

**ИЗ АФИН В СТАГИРЫ — ИЗ СТАГИР В АФИНЫ:
ОБ ОДНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
ИЗ УТРАЧЕННОГО ПИСЬМА АРИСТОТЕЛЯ
(Arist. fr. 669 Rose)**

Ключевые слова: Аристотель (биография, фрагменты), Гермий из Атарнея, Аполлодор («Хроника»), Деметрий («О стиле»), античная эпистография.

Высказывание из утраченного письма Аристотеля, которое дважды цитирует Деметрий, автор сочинения «О стиле», отмечая его изящество, ἐγὼ ἐκ μὲν Ἀθηνῶν εἰς Στάγειρα ἦλθον διὰ τὸν βασιλέα τὸν μέγαν, ἐκ δὲ Σταγείρων εἰς Ἀθήνας διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν — «я из Афин приехал в Стагиры из-за Великого царя, а из Стагир в Афины из-за великой бури (или великого холода)» (Demetrius, *De elocut.* 29; 154 = Arist. fr. 669 Rose), до сих пор не получило удовлетворительного объяснения, прежде всего из-за того, что упоминаемые Аристотелем путешествия не находят соответствия в канве его жизни, известной из «Хроники» Аполлодора, и поскольку загадочна роль «великого», т. е. персидского, царя в перемещениях Аристотеля. В работе обосновывается предположение, что в первой части высказывания Аристотель намекает на арест персами в 341 г. до н. э. и последующую казнь Гермия, правителя Атарнея, друга и покровителя Аристотеля, открытое проявление скорби по которому со стороны Аристотеля сделало его, как показали дальнейшие события, *persona non grata* в Афинах и заставило его, очевидно, переехать из Миезы, где его преподавание Александру должно было закончиться в 340 г. или вскоре после этого, в родной город вместо предполагаемого возвращения в Афины. Вторая часть высказывания намекает не на холодный климат в Стагирах, побудивший Аристотеля переехать в Афины, как обычно полагают, но, в соответствии с обычным значением μέγας χειμῶν, на «большую бурю» как причину переезда, что может иметь, разумеется, только метафорическое значение. Вероятнее всего, что под этой бурей подразумевается восстание греков против Македонии после смерти Филиппа и их поражение, устранившее препятствия для возвращения Аристотеля в Афины в 335/334 г.

**‘FROM ATHENS TO STAGIRA,
FROM STAGIRA TO ATHENS’:
ON ONE SENTENCE FROM ARISTOTLE’S LOST LETTER
(Demetrius, *De elocut.* 29; 154 = Arist. fr. 669 Rose)**

Keywords: Aristotle (biography, fragments), Hermias of Atarneus, Apollodorus’ Chronicle, Demetrius’ On Style (*De elocutione*), ancient Greek epistolography.

The mysterious sentence from Aristotle’s lost epistle, cited twice by Demetrius, the author of *On Style*, and praised by him for its beauty, ἐγὼ ἐκ μὲν Ἀθηνῶν εἰς Στάγειρα ἦλθον διὰ τὸν βασιλέα τὸν μέγαν, ἐκ δὲ Σταγείρων εἰς Ἀθήνας διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν, ‘I came from Athens to Stagira because of the Great King, and from Stagira to Athens because of the great storm’ (or ‘because of the great cold’) — (Demetrius, *De elocut.* 29; 154 = Arist. fr. 669 Rose) has not received until now a plausible explanation. This is mainly because the travels mentioned do not square well with Aristotle’s itinerary as attested by Apollodorus, and because the role of the Great (viz. the Persian) king in Aristotle’s life is a puzzle. In the paper it is proposed that Aristotle hints at the 341 BC arrest and (the somewhat later) execution by the Persians of his patron and friend, Hermias of Atarneus, an alleged ally of Philip II of Macedon. These events arguably made Aristotle *persona non grata* in Athens and caused his move from Mieza, where his duties as a tutor of Alexander ended presumably soon after 340 BC, to his native town, instead of returning to Athens. The second part of the sentence hints not at the cold climate of Stagira, as it is usually believed, but rather, in accordance with the normal meaning of the μέγας χειμῶν, at the ‘great storm’, to be taken metaphorically. The most plausible candidate for this storm is the revolt of Greeks against Alexander and their defeat, after which the obstacles for Aristotle’s return disappeared and he came to Athens in 335/334 BC. Aristotle thus omits the intermediate stations and depicts his travels as the way from Athens to Stagira and from Stagira back to Athens.

In memoriam Heinz Heinen
14.IX.1941 — 21.VI.2013

Одно предложение из утраченного письма Аристотеля пока не получило удовлетворительного объяснения¹. Оно дважды цитируется Деметрием (или псевдо-Деметрием), автором риторического

¹ Здесь и далее привлекаются следующие издания фрагментов Аристотеля и специально фрагментов его писем: [Rose, 1863; Rose, 1886; Plezia, 1961; Plezia, 1977]. Свидетельства биографического характера приводятся по изданию: [Düring, 1957].

трактата «О стиле», который приводит и несколько других выдержек из писем Аристотеля в качестве образцовых примеров эпистолярного жанра (Demetr. De elocut. 29; 154 = Arist. fr. 669 Rose = T 67 a Düring (p. 400) = Epistulae 14 Plezia)².

Demetr. 29:

γίνεται μέντοι γε χρήσιμά ποτε (τὰ ὁμοιοτέλευτα), ὡς Ἀριστοτέλης φησὶν ἔγω ἐκ μὲν Ἀθηνῶν εἰς Στάγειρα ἦλθον διὰ τὸν βασιλέα τὸν μέγαν, ἐκ δὲ Σταγείρων εἰς Ἀθήνας διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν". εἰ γοῦν ἀφέλοις τὸ ἕτερον μέγαν, συναφαιρήση καὶ τὴν χάριν τῇ γὰρ μεγαληγορία συνεργεῖ τὰ τοιαῦτα κῶλα, ὅποια τῶν Γοργίου τὰ πολλὰ ἀντίθετα καὶ τῶν Ἰσοκράτους.

Demetr. 154:

πολλάκις δὲ καὶ κῶλα ὅμοια ἐποίησε χάριν, ὡς ὁ Ἀριστοτέλης ἔκ μὲν Ἀθηνῶν, φησὶν, ἐγὼ εἰς Στάγειρα ἦλθον διὰ τὸν βασιλέα τὸν μέγαν, ἐκ δὲ Σταγείρων εἰς Ἀθήνας διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν". καταλήξας γὰρ ἐν ἀμφοτέροις τοῖς κῶλοις εἰς τὸ αὐτὸ ὄνομα ἐποίησε τὴν χάριν. ἐὰν δ' οὖν ἀποκόψῃς τοῦ ἐτέρου κῶλου τὸ μέγαν, συναφαιρεῖται καὶ ἡ χάρις.

Исследователи биографии Аристотеля уделили не много внимания этому высказыванию. Между тем оно загадочно, и притом сразу в нескольких отношениях. В первую очередь это касается самого маршрута путешествий Аристотеля — из Афин в Стагиры и из Стагир в Афины — неизвестного из других свидетельств. Ничего не известно о роли «великого», то есть персидского, царя в жизни Аристотеля. Лишь в отношении переезда из Стагир в Афины διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν господствует убеждение, что Аристотель имеет в виду (так или иначе) пребывание в Стагирах перед возвращением в Афины и называет в качестве его причины суровый климат в родном городе, но и оно, как мы убедимся, покоится на шатких основаниях.

Начнем с обзора перемещений Аристотеля, о которых мы неплохо осведомлены. Известия о них и соответствующие даты вос-

² В рукописях трактата его автором назван Деметрий Фалерский (ок. 360 — 280 гг. до н. э.), ученик Аристотеля и Феофраста. Эта атрибуция в целом отвергнута в науке, но время написания и личность автора продолжают вызывать споры; сейчас сочинение обычно относят к I в. до н. э. (см.: [Demetrios, 1993, pp. XIII–XL; Dührsen, 2005, S. 242–271], здесь выдвинуто предположение, что автор трактата — Деметрий из Магнесии, филолог и антиквар, живший в I в. до н. э.).

ходят к надежному источнику, «Хронике» Аполлодора (сер. II в. до н. э.), и дошли до нас в двух изложениях, Дионисия Галикарнасского (Ep. ad Ammaeum 5, p. 262. 8–263. 10 Us.—Rad.) и Диогена Лаэртия (V, 9–10)³. Диоген Лаэртий, который ссылается на Аполлодора, несомненно, как и в других случаях, использовал «Хронику» не прямо, но через промежуточный источник, Дионисий же, скорее всего, прямо, хотя он и не называет имени Аполлодора⁴. Далее приводим хронологическую канву жизни Аристотеля по Аполлодору с добавлением в скобках событий и дат, отсутствующих у Аполлодора, но имеющих значение для биографии Аристотеля⁵:

Ол. 99, 1 = 384/383 г. Аристотель родился в Стагирах.

Архонтство Полидзела: 367/366 г. Аристотель на 18-м году жизни прибывает в Афины и становится учеником Платона⁶.

³ T 1 d, e Düring = Apollod. FGGrHist F 38, см. текст и комментарий: [Düring, 1957, pp. 253–255]. По мнению Дюринга, источником хронологии Аполлодора, как и хронологии утраченной биографии Аристотеля, написанной Гермиппом (ок. 200 г. до н. э.), была «Аттида» Филохора [ibid. pp. 250–252]. Однако бесспорно восходящие к Филохору свидетельства о жизни Аристотеля (T 1 f; 3 Düring) содержат либо факты, отсутствующие у Аполлодора, либо иную датировку упоминаемых Аполлодором событий, что говорит не в пользу этой гипотезы.

⁴ См. [Jacoby, 1902, S. 318]; предположение Дюринга о том, что Дионисий использовал труд Аполлодора не прямо, но через посредника [Düring, 1957, p. 255], было уже ранее высказано Дильсом и убедительно опровергнуто Якоби, основополагающий труд которого Дюринг, кажется, не учитывает.

⁵ Мы опираемся на хронологическую канву, составленную Дюрингом [Düring, 1957, pp. 249–250; Düring, 1966, S. 1–2], о различии между двумя вариантами этой канвы в отношении пребывания Аристотеля в Стагирах см. далее), однако вносим некоторые уточнения. В «Хронике» Аполлодора летосчисление велось по афинским архонтам, вступавшим в должность в месяце Гекатомбеоне — первом месяце после летнего солнцестояния, то есть в июле — августе [Бикерман, 1975, с. 16]. В переработке Аполлодора, которой пользовался Диоген Лаэртий, счет лет велся уже по Олимпиадам, однако при этом нередко приводилась и датировка по архонтам. Олимпийский год не имел фиксированного начала, древние историки синхронизировали его с афинским магистратским годом (так, вероятно, действовал автор переработки Аполлодора), но иногда и с другими календарями, например, с македонским или ахейским [Бикерман, 1975, с. 70–71].

⁶ И. Дюринг в комментарии отдает предпочтение дате, которая восходит, возможно, к Филохору (Vita Marciana 10 Düring = FGGrHist 328 F 223): архонтство Навсигена, то есть 368/367 г. [Düring, 1957, p. 257], хотя в аппарате к тексту Vita Marciana (p. 98), наоборот, предпочитает указание Аполлодора. В действительности архонтство Навсигена, даже если восходит к Филохору, вряд ли заслуживает предпочтения [Jacoby, 1902, S. 324. Anm. 17].

(Осень 348 г. Взятие Олинфа Филиппом II⁷.)

(Архонтство Теофила: 348/347 г. Смерть Платона⁸.)

Ol. 108, 1 Архонтство Теофила: 348/347 г. Аристотель покидает Афины и отправляется в Атарней ко двору Гермия (согласно Аполлодору, после смерти Платона)⁹.

⁷ Олинф пал во время македонских Олимпий (Dem. De falsa leg. [16], 192; Diod. XVI, 55), то есть в начале четвертого афинского месяца, Боздромия, приблизительно в октябре 348 г., см.: [Cawkwell, 1962, p. 130 f.].

⁸ Дата смерти Платона, архонтство Теофила = Ol. 108, 1, то есть 348/347 г., надежна благодаря указаниям Аполлодора о кончине Платона и начале схоластики Спевсиппа (Diog. Laert. III, 2; IV, 1) и Филодема о смерти Платона (Philod. Ind. Acad. II, 35–38 Dorandi); Феопомп, современник Платона, датировал его смерть 13-м годом царствования Филиппа II (Diog. Laert. III, 40), то есть тем же 348/347 г., см. также другие свидетельства: [Jacoby, 1902, S. 310]. И. Дюринг датирует смерть Платона более точно маем 347 г. [Düring, 1966, S. 1], опираясь, очевидно, на пассаж Сенеки (Ep. mor. 58, 31), что Платон умер в свой день рождения (7-го Таргелия, то есть в мае), достигнув ровно 81 года. Однако это и другие аналогичные свидетельства проистекают из стремления приравнять продолжительность жизни Платона к кратному девяти числу, которое ассоциировалось с Аполлоном, см.: [Jacoby, 1902, S. 309; 310. Anm. 14]; по Аполлодору, Платон умер на 81-м году жизни, а по Филохору, которому, по всей видимости, следует Филодем [Dorandi, 1990, p. 122], — прожив 82 года; это расхождение связано с различными датировками рождения Платона.

⁹ Согласно Аполлодору, Аристотель покинул Афины после смерти Платона. Дюринг полагает [Düring, 1957, p. 249, 276, 388, 459; Düring, 1966, S. 10], что это произошло до смерти Платона, ссылаясь на обвинение враждебного Аристотелю философа-мегарика Евбулида (Т 57 F Düring), что Аристотель не присутствовал при смерти Платона. Но обвинение Евбулида, чего бы оно ни стоило, не подразумевает отъезда из Афин, а скорее, напротив, присутствие в городе, ср.: [Merlan, 1959, S. 206 Anm. 2]. Более общее соображение Дюринга, что после взятия Филиппом Олинфа в Афинах зимой 348–347 гг. пришла к власти антимакедонская партия, и Аристотель покинул город, опасаясь гонений из-за своих связей с македонским двором, основано на ряде спорных посылок. В действительности македонские связи Аристотеля относились к далекому прошлому и не имели политического характера: его отец, врач царя Аминты III, умер, когда Аристотель был ребенком (см. Vita Marciana 3 Düring о его опекуне, Проксене из Атарнея); нет и никаких свидетельств того, что сам Аристотель в это время был стокранником Македонии или воспринимался в Афинах как таковой (его родной город, по всей вероятности, пострадал во время войны Филиппа против Халкидского союза, см. далее). Неточно также утверждение Дюринга, что падение Олинфа привело к усилению в Афинах антимакедонской партии (он имеет в виду Демосфена). И до и после этого события ведущим политиком в Афинах оставался Евбул, который препятствовал отправке значительных афинских контингентов к Олинфу, но активно сопротивлялся усилению Филиппа после взятия города, в целом же занимал скорее умеренную позицию [Cawkwell, 1962, p. 139 f.]. Эпиграмма Феокрита Хиосского (Didym. In

ОΙ. 108, 4 Архонтство Евбула: 345/344 г. Аристотель переезжает из Атарнея в Митилену.

ОΙ. 109, 2 Архонтство Пифодота: 343/342 г. Аристотель по приглашению Филиппа II переезжает в Македонию (в Миезу) в качестве воспитателя Александра¹⁰; согласно Дионисию, он преподает Александру в течение 8 лет, то есть вплоть до возвращения в Афины.

(341 г., первая половина года¹¹. Захват Гермия Ментором, полководцем персидского царя Артаксеркса III.)

Demosth. VI, 43–49 = 15 b Düring; Euseb. Praep. evang. XV, 2, 12 = 58 k Düring), которая обвиняет Аристотеля в предпочтении «устьев зловонного потока» (то есть владений Гермия; против того, что имеется в виду Македония, см. [Harding, 2006, p. 160]) жизни в Академии в угоду «природе своего беззаконного чрева», при всей ничтожности ее как свидетельства, все же связывает отъезд Аристотеля к Гермия не с преследованиями в Афинах или с политическими амбициями, но с намерением обрести спокойную и безбедную жизнь (эпитет *κευβόρων*, которым Феокрит награждает Аристотеля, видимо, означает, что тот опрометчиво обманулся в своих ожиданиях, лишившись с гибелью Гермия богатого покровителя). *Mutatis mutandis* это вполне вероятно: зоологические исследования, которыми Аристотель энергично занимался в Ассосе и позднее в Митилене, а также, по всей видимости, преподавание, то и другое при поддержке правителя Атарнея, который покровительствовал наукам, и были, возможно, основной целью переезда философа из Афин в Малую Азию. Э. Форд [Ford, 2011, p. 22] следует гипотезе Дюринга, ссылаясь на речь Демохара, в которой Аристотель обвинялся в том, что он при конфискации имущества олинфян указал Филиппу на богатейших граждан, а также предал царю родные Стагиры. Однако абсурдность обвинений в этой речи, произнесенной много позже смерти Аристотеля, в 306 г., скорее доказывает, что ничего более достоверного о связях философа с македонским двором в Афинах во времена взятия Олинфа известно не было.

¹⁰ Дата рождения Александра по афинскому календарю — 6 Гекатомбеона, то есть 19 июля, 356 г. (Plut. Alex. 3, 5; см. [Badian, 1982, p. 48. N. 34]. Ему было максимум 14 лет к моменту начала занятий. Указание Диогена Лаэртия, что Александру было 15 лет, отсутствующее у Дионисия, явно не восходит к Аполлотору и проистекает из ошибки Диогена Лаэртия в определении даты рождения Александра или просто при подсчете. Ф. Якоби [Jacoby, 1902, S. 320] исправляет 15 на 14, исходя из того, что для Диогена обычен инклюзивный счет (его 14 лет может означать 14-й год, то есть полные 13 лет), ср.: [Stahr, 1830, S. 85 f.]. Ошибочно, следовательно, полагать, исходя из этой эмендации, что Аристотель стал воспитателем Александра, когда тому исполнилось 14 лет [Bosworth, 1988, p. 20], или отнестись к прибытию Аристотеля в Македонию к концу 343/342 г., то есть к лету 342 г. [Ellis, 1994, p. 771]. Надежная дата, которой мы располагаем, это лишь архонтство Пифодота, то есть между летом 343 и летом 342 г.

¹¹ О дате падения Гермия см. далее.

(340 г., первая половина года¹². Поход Филиппа II против Перинфа и Византия; Александр замещает отца в качестве регента.)

(339/338 г. Смерть Спевсиппа, схоларха Академии. Ксенократ избран схолархом¹³.)

(338 г., август. Битва при Херонее.)

(336 г., сентябрь [Bosworth, 1988, p. 23]. Филипп убит заговорщиками. Александр становится царем.)

(335 г., конец сентября [Bosworth, 1988, p. 33]. Разрушение Фив Александром.)

Ol. 111, 2 Архонтство Евайнета: 335/334 г. Аристотель возвращается в Афины и преподает в Ликее (в течение 12 лет по Дионисию, 13 по Диогену Лаэртию).

(Весна 334 г. Поход Александра на Восток.)

(Июнь 323 г. Смерть Александра.)

Ol. 114, 3. Архонтство Кефисодора: 323/322 г. (Обвинение Аристотеля в нечестии.) Отъезд Аристотеля из Афин в Халкиду на Евбее (на 13-й год после возвращения в Афины, по Дионисию).

¹² См. о датировке начала осады Перинфа: [Wankel, 1976, S. 438 (лит.)].

¹³ И. Дюринг называет более точную дату избрания Ксенократа — весна 338 г. [Düring, 1957, p. 250], однако для нее нет оснований. Согласно Аполлодору (Diog. Laert. IV, 14 = Apollod. fr. 54 Jacoby), Ксенократ стал главой Академии в архонтство Лисимахида, то есть между июнем — июлем 339 и июнем — июлем 338 г. Трудность представляет собой скорее продолжительность схолархата Спевсиппа: согласно Diog. Laert. IV, 1; Philod. Ind. Acad. VI, 39–40 Dorandi (оба указания восходят, скорее всего, к Аполлодору), Спевсипп руководил Академией 8 лет, в то время как начало его схолархата — 348/347 г., что дает, если считать его концом 339/338 г. (избрание схолархом Ксенократа), продолжительность в 9 или даже 10 лет по обычному для Аполлодора (и Диогена Лаэртия) инклюзивному счету. Ф. Якоби пытался объяснить это расхождение либо тем, что схолархат Спевсиппа мог начаться в самом конце 348/347 г., а завершиться в самом начале 339/338 г., а его продолжительность была определена не по архонтским, а по полным годам, либо тем, что между смертью Спевсиппа и избранием Ксенократа прошло какое-то время, то есть Спевсипп умер раньше начала 339/338 г., но оба эти допущения ему самому справедливо кажутся сомнительными [Jacoby, 1902, S. 313]. Напрашивается иное объяснение: меньшая, чем ожидалось бы, продолжительность схолархата связана с тем, что Спевсипп, будучи тяжело больным, передал управление Академией Ксенократу (Diog. Laert. IV, 3), который таким образом оказался временным главой школы (см. об этом эпизоде: [Merlan, 1946, p. 107 f.], формально же Ксенократ стал схолархом лишь в 339/338 г., после смерти Спевсиппа и официального избрания. Во всяком случае, у нас нет оснований для более точной датировки избрания Ксенократа, чем указанное Аполлодором архонтство Лисимахида.

Архонтство Филокла: 322/321 г. Смерть Аристотеля в Халкиде на Евбее в возрасте 63 лет¹⁴.

Хорошо видно, что этот итинерарий, основанный главным образом на указаниях Аполлодора, не оставляет места ни для прямого перемещения из Афин в Стагиры, ни обратно из Стагир в Афины. Само пребывание в Стагирах в промежутке между оставлением Афин в 348/347 г. и возвращением в 335/334 г. не засвидетельствовано другими источниками. Вместе с тем, хотя полностью дошедшие письма Аристотеля, согласно господствующему мнению, подложны, как, возможно, и некоторые из писем, от которых дошли фрагменты¹⁵, подлинность разбираемого отрывка вряд ли может вызвать сомнение¹⁶. Во-первых, большинство отрывков

¹⁴ Смерть Аристотеля Дюринг датирует октябрем 322 г. и при этом утверждает, что ему было 63 года [Düring, 1968, Sp. 180]. Первое следует из указания, что он умер в то же время, когда погиб Демосфен (Diog. Laert. V, 3), то есть 16 Пянопсия, или 14 октября, 322 г. (Plut. Demosth. 30). Кроме того, Авл Геллий, перечисляя события, следующие за смертью Александра (Aul. Gell. XVII, 34 = T 46 с Düring), называет сперва умершим Аристотеля и лишь затем Демосфена. Уже Якоби [Jacoby, 1902, S. 321] полагал, что Геллий позволяет точнее датировать смерть Аристотеля, а Дюринг [Düring, 1957, p. 250; Düring, 1902, S. 2] прямо утверждает, что Аристотель умер незадолго до Демосфена. На самом деле оба свидетельства не подходят на точные указания. Кроме того, Аристотель, родившийся в 384/383 г., не мог достичь полных 63 лет в 322/321 г. Шестьдесят три года Аполлодора означает, как это обычно для него, 63-й год жизни, см. [Pueche, 1994, p. 417 s.] (ошибка в Marmor Parium, B 11 Jacoby, где смерть Аристотеля отнесена к 321/320 г., возможно, объясняется тем, что от года рождения, то есть 384/383, были отняты полных 63 года).

¹⁵ См. о подложности полностью сохранившихся писем: [Plezia, 1977, p. IX]; о письмах Аристотеля в целом: [Düring, 1968, Sp. 163–165].

¹⁶ В аутентичности высказывания сомневался В. Йегер, находя в нем риторическую манерность, несвойственную, по его мнению, безыскусности писем Аристотеля, которые в древности считались образцом эпистолярного стиля [Jaeger, 1948, p. 311]. Ни с той, ни с другой стороны этого утверждения нельзя согласиться. Во-первых, от подлинных писем Аристотеля дошло слишком мало, чтобы составить надежное суждение о его эпистолярном стиле, но, по свидетельствам древних читателей, для них характерно скорее сочетание простоты и литературности (см: [Rose, 1886, p. 411]). Так, Симпликий говорит о присутствии им сочетания разговорного стиля с εὐδρέτεια (In Cat, p. 7, 16–22 = E T 7 B b Plezia), то есть величавостью, торжественностью, что, как мы увидим, вполне подходит и к разбираемой фразе. Интересно в этом плане, несмотря на скудость материала, суждение Виламовица, который помещает стиль писем Аристотеля, в качестве образцового, посредине между его двумя главными предшественниками — Исократом с его риторичностью и Платоном, чьи письма лишены художественного элемента [Wilamowitz-Moellendorff, Berlin, 1892, S. 393].

(а возможно, даже все) из писем Аристотеля в сочинении Деметрия заимствованы из сборника, составленного Артемоном, по всей видимости, еще до возрождения интереса к его философии в последние десятилетия I в. до н. э., то есть до того времени, когда письма Аристотеля стали предметом фальсификаций¹⁷; во-вторых, другие цитаты из аристотелевских писем у Деметрия производят впечат-

Во-вторых, наличие риторических приемов в одной и, очевидно, ударной фразе не может свидетельствовать о характере всего несохранившегося письма. Приходится поэтому пользоваться на мнение Деметрия, читавшего все письмо, который дважды цитирует высказывание и оба раза одобряет его за *χάρις*, то есть изысканность, которую ему сообщают как раз те приемы, которые не по душе Йегеру — антистетические гомеотелевты (великий царь — великая буря) и окончание колонов на одну и ту же словоформу (это справедливо замечено против Йегера: [Plezia, 1977, pp. 119–121]). При этом сам же Деметрий предостерегает против злоупотребления подобными приемами и приводит изречение в качестве примера того, что они *иногда* бывают стилистически оправданы, так что очевидно, что Аристотель не пользовался ими широко в остальной, несохранившейся части письма. В более общем плане интересно, что *χάρις* для Деметрия не окказиональная похвала, но одна из черт образцового эпистолярного стиля (Demetr. De elocut. 235), которую он находит и в другом высказывании Аристотеля — *ὁσφ γάρ αὐτίτης καὶ μονότης εἰμί, φιλομυθότερος γέγονα*, отмечая, что создается она в данном случае благодаря редкому слову и рядом стоящему неологизму (Demetr. De elocut. 144 = Arist. fr. 668 Rose; к толкованию этой фразы см.: [Renehan, 1995, pp. 281–292]). Таким образом, суммируя, можно острожно сказать, что известная риторичность или литературность рассматриваемого высказывания Аристотеля не противоречит, но скорее соответствует манере Аристотеля и не уменьшает, но, наоборот, способствует высокой оценке этих писем в глазах знатока эпистолярного стиля, знавшего хорошо письма философа.

¹⁷ Время жизни Артемона не поддается точному определению. Не могут считаться надежными ни отождествление его с филологом Артемоном из Кассандреи, (см.: [Susemihl, 1892, S. 511 f; Wentzel, 1896, Sp. 1446–1447; Moraux, 1951, p. 144 s.; Düring, 1968, Sp. 164], который упоминал Дионисия Скитобрахиона и жил, следовательно, не ранее середины III в. до н. э. (см. в пользу более ранней, чем полагали прежде, датировки Дионисия, 270–220 гг.: [Rusten, 1982, pp. 189–190]), ни отождествление их обоих с Артемоном из Пергама, возможно, учеником Кратета, с которым полемизировал Менеkrat из Нисеи, ученик Аристарха [Wentzel, 1896, Sp. 1447], что дает в качестве *t. circa q.* середину — вторую половину II в. до н. э. См. обо всех трех Артемонах: [Pagani, 2010]). Однако вероятно, что собрание аристотелевских писем Артемона в 8 книгах хронологически предшествует более обширному собранию в 30 книгах, изданному Андроником и определенно включавшему апокрифические письма [Moraux, 1951, p. 143]. Преобладающая сейчас датировка трактата Деметрия, I в. до н. э., также позволяет думать, что цитируемое в нем собрание Артемона предшествует возрождению аристотелизма в последние десятилетия этого столетия.

ление подлинных¹⁸; наконец, сама неясность разбираемой фразы служит веским аргументом в пользу ее аутентичности — от фальсификатора ожидалось бы либо упоминание хорошо известного факта, либо отчетливое изложение придуманных подробностей.

Предположение В. Розе, что адресатом письма был Антипатр, старый соратник Филиппа II, «стратег Европы» во время похода Александра на Восток, с которым Аристотеля связывало близкое знакомство, если не дружба, вряд ли можно подтвердить или опровергнуть¹⁹. Зато более определенно можно говорить о его датировке: если только Аристотель не имеет в виду какой-то незначительный маршрут, о котором иначе нам ничего не известно (это, как мы увидим, маловероятно), он мог сказать, что его путешествия начались и закончились в Афинах, лишь между 335/334 г., когда он вернулся в город после неудачной войны греков с Александром, и до 323/322 г., окончательного отъезда из Афин после смерти Александра.

Начнем с первой половины высказывания Аристотеля, «я из Афин пришел в Стагиры из-за великого царя», которая оказывается наиболее трудной для толкования. Несмотря на высказывавшиеся изредка сомнения в том, что подразумевается царь персов, такое понимание представляется нам правильным²⁰. Именно из-за

¹⁸ П. Моро замечает, что похвалы Деметрия эпистолярному стилю Аристотеля говорят в пользу подлинности собрания писем, которым он пользовался, так как дошедшие до нас поддельные письма лишены художественных достоинств [Moraux, 1951, p. 144].

¹⁹ [Rose, 1863, p. 596] sq. cf. [Rose, 1886, fr. 669 (p. 420)]. В обоих изданиях Розе, считавший этот, как и все прочие фрагменты Аристотеля, подложным, не приводит каких-либо доводов в пользу того, что письмо адресовано Антипатру. Предположение Розе, возможно, объясняется тем, что письма, бесспорно адресованные Антипатру (fr. 663–667), отличаются доверительностью тона и наличием политической темы, как и наш фрагмент, однако этого едва ли достаточно. Деметрий цитирует лишь одно, бесспорно обращенное к Антипатру, письмо (fr. 665 Rose); отнесение к «Письмам к Антипатру» fr. 668 столь же ненадежно, как и нашего фрагмента; адресата fr. 670 сам Розе считает неизвестным. Дюринг также предполагает, что наше письмо адресовано Антипатру [Düring, 1957, p. 400], но М. Плежа резонно относит его к фрагментам писем, адресаты которых неизвестны [Plezia, 1977, p. 23].

²⁰ К. Лорд предположил, что «великий царь» намекает одновременно и на Филиппа и на персидского царя, а упоминание Стагир как-то связано с участием Аристотеля в восстановлении родного города [Lord, 1984, p. 243. N. 5]. Отчетливого смысла такое толкование не дает, а отход от господст-

упоминания персидского царя маловероятно, что высказывание Аристотеля указывает на его прямой переезд из Афин в родные Стагиры, не известный нам из других свидетельств. В 347 г., в момент отъезда из Афин в Малую Азию, остановка по пути в Стагирах была бы возможна, но персидский царь в это время определенно не мог быть ни причиной отъезда из Афин, ни посещения Стагир. В 343/342 г., после отъезда из Митилены, Аристотель также

вующего понимания, хотя и побуждает к дополнительной проверке, может быть, по ее результатам, решительно отвергнут. «Великий царь» было частью официальной титулатуры персидских царей, и это обозначение становится устойчивым в греческой традиции, начиная с Геродота, хотя чаще он сам называет персидского царя просто царем [Powell, 1938, p. 59]. Выборочный просмотр авторов V–IV вв. показывает, что выражение «великий царь» всегда означает у них персидского царя (больше всего примеров из Платона и Исократ), причем в большинстве случаев оно конвенционально и не подразумевает ни прерогатив власти, ни личных качеств ее носителей (ср. в Новое время «великий князь» в России или «эрцгерцог» в Австрии), хотя изредка, в полемическом контексте, могут возникать подобные коннотации: Исократ в антиперсидском «Панегирике» (122) связывает именование персидского царя как «великого» с положением греков по отношению к нему как «пленников», а Платон однажды констатирует, что после Кира персидские цари лишь по имени были великими (Leg. 696 e). Любопытно, что не только Аристотель, питавший антипатию и к персам и к их царю, не пользуется этим обозначением ни разу, помимо разбираемого фрагмента, но не встречается оно и у Демосфена, который отнюдь не был врагом персидской державы (только «царь» и «царь персов»). Таким образом, даже если выражение «великий царь» стало в это время реже применяться к персидскому царю, прежняя устойчивость его значения делает маловероятным, что Аристотель имел в виду кого-то иного, — тем более в высказывании, которое его адресат должен был если не понять без пояснений, то запомнить наверняка вне контекста письма. Само по себе не исключено, что философ мог в определенной ситуации назвать «великим» Филиппа II, которому он был многим обязан, пусть даже в сохранившихся текстах Аристотеля Филипп упомянут только однажды, в рассказе о его гибели, скорее неблагоприятном для репутации царя (Pol. V, 10, 1311 b 1–3). Однако тогда Аристотель подыскал бы, наверное, иное выражение, нежели обычное и девальвированное в обиходе «великий царь», к тому же закрепившееся за персидским деспотом. По той же причине мы не можем принять остроумное предположение Д. В. Панченко, что «великий царь» это Александр (в принципе Аристотель мог бы сказать, что он покинул Афины и оказался в конечном счете в Стагирах после окончания преподавания из-за македонского наследника — однако, как будет видно, мы склоняемся к иному толкованию). Первое известное упоминание эпитета «великий» применительно к Александру это Plaut. Mostell. 735, см.: [Worthington, 2003, p. 316. N. 3], с предположением, что зуус восходит к первым Птолемеям.

мог, хотя об этом и не сообщает Аполлодор, на какое-то время, до переезда в Македонию, снова посетить Афины, а оттуда, до Миезы, отправиться в родной город²¹, однако и здесь вмешательство персов, пусть даже в самой опосредованной форме, совершенно неправдоподобно²². Теоретически можно, конечно, предположить, что Аристотель намекает на какой-то эпизод, неизвестный из дру-

²¹ Подобная гипотеза была когда-то выдвинута на основании высказывания Аристотеля А. Штаром, из которого он при этом сделал ложный вывод, что Аристотель обучал царевича в Стагирах и что Нимфейон, построенный затем для преподавания в Миезе, будто бы также находился невдалеке от Стагир, ошибочно перетолковывая Plut. Alex. 7, 3–4 [Stahr, 1830, S. 105 Anm. 2]; Миезу сейчас локализуют в македонской Боттиэе, к северу от Берои, весьма далеко от родины философа [Natzopoulos, 1996, p. 114 f.; см. также карту в приложении]. Затем, уже не ссылаясь на это высказывание, предположение о временном пребывании Аристотеля в Афинах между Митиленой и Миезой выдвинул А. Герке, увидев намек на это в пассаже Исократ (12, 18–19) — в Ликее подвизаются несколько «софистов», рассуждающие о Гомере и Гесиоде, наиболее дерзкий из которых нападал при этом на самого престарелого риторы [Gercke, 1905, HbD. 3. Sp. 1014–1015; ср. 1017, 56–59]. Ликей, однако, был обычным местом публичного преподавания, и само выступление Аристотеля перед случайными слушателями, как это предполагает инвектива Исократ, маловероятно (ср. против Герке: [Jacoby, 1902, S. 320. Anm. 5]).

²² Влияние персидского царя на афинскую политическую жизнь в это время было незначительно: просьба царя Артаксеркса о военной помощи в связи с его предстоящим походом в Египет была отвергнута Афинами осенью 344 г. (о посольстве и его датировке см.: [Hajdu, 2002, S. 279–282 с лит.], и в это время не наблюдалось какого-либо сближения Афин с Персией; в 343/342 г. персидский царь был еще занят покорением Египта и не вмешивался в греческие дела: вторжение Оха в Египет достаточно надежно датируется зимой 343–342 гг. (см. [Lloyd, 1994, p. 359 с лит.]: между ноябрем 343 и февралем 342; [Briant, 2002, p. 1005]), Египет был покорен до ноября 342 г. (У. Каршtedт предполагает, что это произошло до конца лета 342 г., см.: [Kahrstedt, 1910, S. 14 f.]; недавняя попытка отнести поход в Египет к 340/339 г., то есть дате покорения Охом Египта по псевдо-Манефону [Depuuyt, 2006, p. 269 f.], вступает в противоречие не только с временем упомянутого персидского посольства во время которого, как полагают, персы завербовали греческих наемников для египетской экспедиции — осень 344 г., но и с датой захвата персами Гермия вскоре после покорения Египта — незадолго до лета 341 г. (см. примеч. 29). Скорее, датировка псевдо-Манефона относится не к началу похода, но к окончательному подавлению сопротивления египтян [Lloyd, 1994, p. 359; note 110]. Отношения Афин с македонским царем приобрели напряженный характер уже в 344 г. (2-й Филиппика Демосфена), но Филипп еще не планировал поход в это время против Персии [Hajdu, 2002, S. 8 Anm. 28]. Лишь ко времени 4-й Филиппики (лето 341 г., см. примеч. 29) в Афинах намечается сближение с персидским царем, а антиперсидские планы Филиппа становятся известны.

гих источников²³. Однако против этого говорят значительность тона, намек на важные политические обстоятельства (это относится не только к первой, но, как мы покажем, и ко второй части высказывания) и упоминание именно тех двух городов, которые для Аристотеля были особенно важны. Поэтому вместо скептического *ignotamus* взвесим еще раз возможность того, что за словами Аристотеля скрываются существенные события его жизни, обозначенные, однако, необычным образом.

По этому пути пошел уже Э. Целлер, предположивший, что, говоря о переезде из Афин в Стагиры, Аристотель пропускает ряд промежуточных пунктов в своих путешествиях, имеет же в виду переезд из Миезы в Стагиры после окончания преподавания Александру, откуда, из Стагир, он и возвратился впоследствии в Афины²⁴. Это, как мы постараемся далее показать, по существу правильное толкование (без объяснения, однако, роли «великого царя»), не было даже отмечено в дальнейшей интерпретации фрагмента. В. Йегер, который хотя и высказывал сомнения в подлинности письма (см. выше), считал все же, что сам фрагмент не проти-

²³ См., например: [Aristotelis epistularum..., 1961, p. 119 sq.; Natali, 1991, p. 54; Aristoteles, 2006, S. 294 f.]. Действительно, аполлодорская хронология не отражает всех перемещений Аристотеля. Так, у Аполлодора не упомянуто пребывание Аристотеля в Дельфах, связанное с составлением им и его племянником Каллисфеном списка пифиоников, очевидно, достаточно длительное. Надпись со списком была высечена в конце 327 г. (см. Syll.³ 252, 42–43, cf. Syll.³ 275; [Lewis, 1958, p. 108]; дата В. Йегера, 331 г. [Jaeger, 1948, p. 326], основывалась на устаревшей хронологии дельфийских архонтов), но работа над самим списком началась, очевидно, намного раньше, так как в ней участвовал племянник Аристотеля, Каллисфен, отправившийся на Восток вместе с Александром в 334 г. Аристотель, таким образом, продолжительное время работал в дельфийском архиве и до, и после своего переезда в Афины. Когда Аристотель работал над другим аналогичным списком, олимпийских, не известно, но, вероятно, примерно в то же время, 30–20-е гг. IV в. (ср.: [Christesen, 2007, p. 201]). Нужно, однако, учесть, что в данном случае речь идет о своего рода «научных командировках», которые ни сам Аристотель, ни его биографы не должны были считать переменной места жительства.

²⁴ [Zeller, 1879, S. 23. Anm. 2; S. 27. Anm. 3]. Целлер не был уверен в подлинности фрагмента (видимо, из-за его неясности), но, критикуя предположение Штара о временном возвращении Аристотеля в Афины между Митиленой и Миезой (см. примеч. 21), он правильно заметил, что шутливая (мы сказали бы, скорее, метафорическая) форма высказывания не располагает к буквальному толкованию маршрута: Аристотелю важен параллелизм путешествий из Афин в Стагиры и обратно, так что промежуточные пункты просто опущены.

воречит известным фактам биографии Аристотеля: из Афин в Стагиры, как он полагал, подразумевается переезд из Ассоса в Миезу, откуда философ периодически удалялся в Стагиры для ученых занятий, когда был свободен от преподавательских обязанностей²⁵. Сами подобные поездки нельзя, разумеется, исключить, но трудно согласиться с тем, что Аристотель из-за них мог назвать свой переезд в Македонию переездом в Стагиры. И. Дюринг, очевидно, чувствуя эту трудность, предположил, что «из Афин в Стагиры» подразумевает Стагиры в качестве реального промежуточного пункта между Митиленой и Миезой²⁶. В более поздней работе он уже решительно высказывается в пользу двух пребываний Аристотеля в родном городе — не только на пути в Македонию, но и после окончания преподавания в Миезе, в промежутке перед возвращением в Афины²⁷.

Главную трудность при таком понимании представляет собой первое из предполагаемых путешествий в Стагиры. Аристотель определенно не может иметь в виду переезд в Стагиры прямо из Афин (см. выше), как отмечает и сам Дюринг. Но тогда стоило ли упоминать о пребывании в родном городе на пути из Митилены

²⁵ [Jaeger, 1948, p. 311. N. 2]; в другом месте Йегер уверенно говорит о частом пребывании Аристотеля в Стагирах, всякий раз как он удалялся от двора, ссылаясь на упоминания Стагир у Теофраста и на наличие у последнего собственности в этом городе: [Jaeger, 1948, p. 115, note 1] (см. об этом примеч. 58).

²⁶ В комментарии к высказыванию Аристотеля по поводу переезда из Афин в Стагиры «из-за великого царя» Дюринг лишь констатирует, что в буквальном смысле это не точно — Аристотель переехал в Стагиры не из Афин, а из Митилены, — но не видит оснований сомневаться в подлинности высказывания [Düring, 1957, p. 400], однако в хронологической канве он указывает [Düring, 1957, p. 249]: «345/4 Aristotle retires to Mytilene. (We do not know when he left M(ytilene) and went to Stagira)», таким образом ставя под сомнение указание Аполлодора о прямом переезде Аристотеля из Митилены к македонскому двору и дате переезда, ср. также с. 279: «We do not know for certain whether he stayed there until he was summoned to the Macedonian court or spent some time in his native town Stagira». Ср. также в более позднем варианте хронологической канвы: [Düring, 1966, S. 1] (между 345/344 и 343/342 гг.): «Wann er Mytilene verliess und mit Theophrast nach Stagira übersiedelte, wissen wir nicht».

²⁷ [Düring, 1966, S. 2] (341/340, после захвата персами Гермия, бегства Пифиды и ее брака с Аристотелем): «Er wohnt jetzt mit Theophrast in Stagira»; cf. *ibid.* S. 13 Anm. 70: обсуждаемый пассаж Аристотеля означает, что из-за сурового климата Стагир он рад вернуться в Афины; [Düring, 1966, S. 12]: «Теофраст сопровождал Аристотеля в Македонию и жил там в Стагирах вместе с ним».

ко двору Филиппа, которое в любом случае не могло быть продолжительным и не оставило заметного следа в его жизни? Допустим, однако, что существенным был как раз переезд в Стагиры «из-за великого царя», то есть царя персов. Это означало бы, что причиной оставления Митилены было не приглашение Филиппа, но какие-то действия персов в Малой Азии, побудившие Аристотеля уехать в Стагиры и лишь оттуда, вследствие приглашения царя, перебраться в Миезу. Такой ход событий, хотя он и не упомянут биографами, сделал бы значимым упоминание Стагир, куда Аристотель, пусть на короткое время, переехал из-за неких драматических обстоятельств. Рассмотрим, однако, насколько реальна подобная возможность.

В жизненном плане Аристотеля связывает с персидским царем лишь один эпизод, имевший, однако, значительные последствия. Аристотель был соединен дружескими и родственными узами с правителем Ассоса и Атарнея Гермием (враждебная традиция именovala его тираном), во владениях которого, в Ассосе, он находился, по Аполлодору, около трех лет, с 348/347 по 345/344 г. Впоследствии Гермий, отложившийся от персидского царя, обманом был захвачен Ментором, командиром греческих наемников на службе у Артаксеркса Оха (Diod. XVI, 52, 5–7), доставлен в персидскую столицу, подвергся пыткам и затем казнен как сторонник Филиппа II²⁸.

Итак, переезд в Стагиры «из-за великого царя» мог быть как-то связан с захватом Гермия (так, видимо, думает Дюринг, хотя он и не высказывается прямо о роли персов в жизни Аристотеля). Подтверждением этой версии служит, на первый взгляд, рассказ Страбона о том, как Аристотель и Ксенократ бежали из владений Гермия, захваченных персами (XIII, 1, 57, р. 610 С = Т 19 Düring). Однако достоверность этого сообщения сомнительна: греческим военачальником, захватившим Гермия, Страбон называет вместо Ментора его брата Мемнона; кроме того, Аристотель последнюю

²⁸ Свидетельства о Гермии в связи с Аристотелем см. Т 15–24 Düring, из новейшей литературы о Гермии см. особенно новое комментированное издание сочинения грамматика Дидима (2-я пол. I в. до н. э.) о Демосфене [Harding, 2006, pp. 124–161]. Папирусный текст сочинения, найденный в 1901 г., заставил пересмотреть ряд вопросов, связанных с Гермием и биографией Аристотеля.

часть своего пребывания в Азии находился в Митилене, а не во владениях Гермия; наконец, версия Страбона невероятна с точки зрения хронологии: ко времени захвата Гермия, то есть в первой половине, ближе к лету, 341 г. Аристотель бесспорно уже находился в Миесе как преподаватель Александра²⁹. Кроме того, даже если допустить, что в сообщении Страбона о бегстве от персов есть историческое зерно, это не объяснило бы слова письма о переезде из Афин в Стагиры — из Ассоса Аристотель направился в Митилену³⁰.

²⁹ Пленение Гермия долгое время датировали на основании указания Страбона, комбинируя его с датой отъезда Аристотеля в Македонию по Аполлодору, то есть 345/344 г. (Диодор датирует падение Гермия безусловно ошибочно 349/348 г.), и эта дата все еще встречается в современных работах (например, [Mitchell, 2004, p. 1005]). Однако вслед за открытием комментария Дидима А. Керте, пересмотрев в связи с этим вопрос о подлинности 4-й Филиппики Демосфена, привел убедительные доводы в пользу того, что Гермий был захвачен персами незадолго до лета 341 г. [Körte, 1905, S. 388–395]: 1) в 4-й Филиппике (Dem. 10, 32) упоминается некий недавно захваченный человек, который должен сообщить царю о планах Филиппа; уже схолиаст Демосфена (Schol. in Dem. 10, p. 152, 28 Dilts) видел в этом человеке Гермия, и весьма вероятно, что пространный экскурс о захвате и гибели Гермия в комментарии Дидима (IV, 59–VI, 62) также появился в связи с тем же пассажем 4-й Филиппики; сама же речь, которую Дионисий Галикарнасский датирует архонством Никомаха, то есть между летом 341 и летом 340 г. (Er. Amm. 10, p. 270, 18–271, 2), относится, судя по упоминаемым в ней событиям, либо к этой, либо к несколько более ранней дате, архонству Сосигена, то есть к 342/341 г., известной уже Дидиму, но в любом случае к лету 341 г. (см. [MacDowell, 2009, p. 354]); 2) Дидим указывает, что история Гермия была изложена в 46-й книге «Филиппик» Феопомпа и 6-й книге «Филиппик» Анаксимена (IV, 66; VI, 61), что также указывает на 341 г. (см. вслед за Керте: [Hajdu, 2002, S. 264 с лит.]); 3) Ментор, активно участвовавший в покорении Охом Египта, не мог оказаться с войсками в Малой Азии ранее осени 342 г. (см. выше о дате похода); кроме того, если учесть длительные переговоры Ментора с Гермием, предшествовавшие захвату последнего, и время, потребовавшееся для того, чтобы об этом стало известно в Афинах, то падение Гермия оказывается еще ближе ко времени произнесения 4-й Филиппики, то есть к лету 341 г. [Hajdu, 2002, S. 264].

³⁰ Попытка М. Сорди [Sordi, 1959, pp. 107–118] пересмотреть дату египетского похода в пользу зимы 345–344 гг., и в связи с этим вернуть доверие к сообщению Страбона и датировать захват Гермия 344 г., то есть временем отъезда Аристотеля в Митилену, не может быть принята по ряду причин (см. [Cawkwell, 1963, pp. 136–138]). Это предложение наталкивается, в частности, на ту трудность, что как бы широко ни понимать указание на *недавний* захват Гермия в 4-й Филиппике [Sordi, 1959, p. 112], которая надежно датируется летом 341 г. (см. предыдущее примеч.), невероятно, чтобы Гермий был жив, как предполагается, если с момента его пленения прошло уже как минимум три года.

Можно было бы, далее, предположить, что Аристотель, говоря о персидском царе, намекает на политические причины, побудившие его покинуть Митилену и переехать в Стагиры. Митилена в 347/346 г., приблизительно в то самое время, когда Аристотель переехал в этот город, снова вернулась в Афинский морской союз, из которого на время вышла в середине 50-х гг.³¹ Афинская ориентация Митилены могла сделать присутствие Аристотеля в городе нежелательным для властей, если бы в это время уже существовал союз между Филиппом, врагом Афин, и Гермием, другом и родственником философа. Однако этот альянс, в реальности которого высказываются сомнения (см. далее), в любом случае не был предметом гласности. Кроме того, даже если бы подобные политические обстоятельства сыграли роль в отъезде из Митилены, Аристотель вряд ли мог назвать в качестве их причины персидского царя, который в тот момент еще был всецело занят покорением Египта. Одним словом, персы не могли ни в каком смысле быть причиной переезда Аристотеля из Митилены в Македонию, и эта трудность оказывается фатальной и для предположения В. Йегера (малоправдоподобного и самого по себе), что переезд в Стагиры «из-за великого царя» означает переезд к македонскому двору, и для гипотезы Дюринга, что Аристотель имеет в виду два пребывания в Стагирах, до и после Миезы.

Итак, следует полагать вместо этого, что Аристотель переехал в родной город лишь однажды, после окончания преподавания в Миезе, и оттуда, из Стагир, через несколько лет вернулся в Афины, как истолковал слова Аристотеля уже Э. Целлер³². Нет, в самом деле, веских оснований усложнять высказывание Аристотеля и отождествлять переезд в Стагиры с переездом в Миезу (В. Йегер) или домысливать остановку в Стагирах до Миезы (И. Дюринг): если Аристотель пропускает такие промежуточные пункты своих странствий, как Ассос и Митилена, почему он должен был упомянуть Миезу? Кроме того, такое понимание, как будет видно даль-

³¹ [Hansen, Spencer, Williams, 2004, pp. 1026–1028]: Митилена вышла из союза при тиране Каммисе, который достиг власти после свержения демократии в 353/352 г. и недолгого олигархического правления, и вновь вернулась в него в 347/346 г. (IG II 213), после восстановления демократии.

³² См. примеч. 22.

ше, позволяет объяснить и загадочную роль персидского царя, и то, почему говорится о переезде в Стагиры *из Афин*.

Независимо от нашего фрагмента не раз высказывалось предположение, что преподавание Аристотеля в Миезе закончилось вместе с передачей Александру обязанностей регента царства на время похода Филиппа против Перинфа и Византия (Plut. Alex. 9, 1), то есть в первой половине 340 г.³³, и что после этого философ жил в Стагирах³⁴. Современные биографы Александра также предполагают, что его школьные годы завершились в 340 г.³⁵ Само по себе это правдоподобно: за бурным регентством, когда у Александра было определено мало времени, последовало участие в кампаниях отца на севере Македонии (339 г.), а затем и в решающей войне с греческими противниками Филиппа, завершившейся битвой при Херонее (август 338 г.), в которой наследник победоносно вел в бой македонский левый фланг. Маловероятно, что правильное обуче-

³³ См. примеч. 12.

³⁴ Первым, по-видимому, такое суждение высказал А. Штар [Stahr, 1830, S. 101–102], ссылаясь на свидетельство Юстина (Epit. Pomp. Trog. XII, 16, 8, см. далее), а также на то, что в бурный период, следовавший за началом государственной деятельности в 340 г., у Александра не было времени и возможности для постоянных занятий, хотя Штар не исключал, что в промежутках он «мог еще вкушать общение и наставления великого мудреца» (сам Штар не имел в виду переезд Аристотеля в Стагиры, но полагал, что преподавание и проходило вблизи от Стагир, см. выше примеч. 21). Переезд Аристотеля из Миезы в Стагиры перед возвращением в Афины с тех пор прочно входит в его стандартную биографическую канву, хотя после Целлера нигде уже не упоминается наш фрагмент, служащий важным, если не решающим свидетельством: [Gercke, 1905, Sp. 1017, 11–18] (после 340 г. и до 338 г. преподавание могло еще sporadически продолжаться, а после 338 г. и до смерти Филиппа в 336 г. Аристотель жил либо в Стагирах либо при македонском дворе); [Ross, 1949 (1923), p. 5] (обучение закончилось в 340 г.; Аристотель после этого, вероятно, жил постоянно в Стагирах); также: [Anagnostopoulos, 2009, p. 9] (Аристотель вернулся в Стагиры в 340 г. и оставался там до смерти Филиппа, после чего переехал в Афины в 336 г.).

³⁵ [Hamilton, 1973, p. 35; Bosworth, 1988, p. 21]; Ф. Шахермайр полагает, что Александр после 340 г. продолжал учиться у Аристотеля не только в Миезе, но и в Пелле, и в Стагирах [Шахермайр, 1984, с. 54]; Р. Лэйн Фокс, также датирует конец преподавания 340 г. [Lane Fox, 1973, p. 59; 593], он считает его продолжавшимся всего два года, очевидно, исходя из ненадежного указания Диогена Лаэртия, V, 10, см. примеч. 10), но отмечает, что в следующем, 339/338 г., в момент избрания схоларха Академии после смерти Спевсиппа, Аристотель все еще оставался в Македонии (см. Philod. Index Acad. VI, 41 — VII, 4 Dorandi = T 3 Düring).

ние в Миезе могло идти в это время, и вряд ли оно возобновилось после Херонеи до конфликта Александра с отцом и отъезда в Иллирию в 337 г. Однако здесь следует проявлять осторожность: преподавание могло еще в какой-то форме продолжаться и после 340 г. (например, в период относительного затишья после Херонеи и до 337 г.). Более того, даже если оно завершилось в 340 г., Аристотель мог и после этого какое-то время оставаться в том или ином качестве при македонском дворе, занимая почетное положение как известный ученый. Биографическая традиция ничего не знает об оставлении Аристотелем двора. Дионисий Галикарнасский, следуя Аполлодору, утверждает, что философ в течение восьми лет оставался у *Филиппа II* в качестве учителя Александра, то есть вплоть до возвращения в Афины (Dion. Hal. In Amm. 4), что в буквальном смысле не может быть верным. Только Юстин говорит о пятилетнем преподавании (exacta pueritia per quinquennium sub Aristotele doctore ... crevit, Iustin. Epit. Pomp. Trog. XII, 16, 8 = T 25 f Düring), ограничивая его тем самым, однако, не регентством Александра в 340 г., но, скорее, временем Херонейской битвы³⁶. Ф. Якоби считает указание Юстина не заслуживающим доверия в сравнении с данными Аполлодора [Jacoby, 1902, S. 320], и действительно, оно может быть лишь предположением, основанным, как и у современных историков, на переменах в жизни Александра. Но даже если за ним стоит надежная информация, оно, строго говоря, не означает окончательного оставления Аристотелем македонского двора после прекращения преподавания, напротив, предполагает, что статус преподавателя наследника сохранялся за Аристотелем дольше, чем думают современные ученые. Резюмируя, приходится констатировать, что оставление Аристотелем двора и переезд в Стагиры надежно не засвидетельствованы, но сами по себе возможны, при

³⁶ Х. Берве [Berve, 1926, S. 71] полагал, что, хотя преподавание было прервано в 340 г., оно могло возобновляться после этого, однако вскоре прекратилось полностью (он ссылается на Юстина), и Аристотель отправился в Стагиры (Берве вслед за Целлером указывает на наш фрагмент). Берве, однако, ошибается, полагая, что такая версия не противоречит свидетельству Дионисия Галикарнасского: в действительности тот говорит о восьмилетнем пребывании не в Македонии вообще, но именно при дворе Филиппа (выражаем признательность Хайнцу Хейнену, который напомнил нам о краткой, но содержательной статье Берве об Аристотеле в его фундаментальном труде).

этом подходящим моментом для этого мог быть не обязательно 340 г., как обычно полагают, но и несколько более позднее время.

Далее, если допустить, что, говоря о переезде «из Афин в Стагиры», Аристотель имеет в виду не прямой путь из одного города в другой, но переезд в Стагиры из Миезы после 340 г., то логично предположить, что «из Афин» намекает на невозможность для Аристотеля вернуться после Миезы в Афины. Это позволит объяснить и роль персидского царя в качестве причины этого «переезда», чего не пытались сделать сторонники подобного толкования. В самом деле, захват Ментором Гермия летом 341 г. (или немного раньше, см. выше) не создавал, как мы видели, для Аристотеля, уже находившегося к тому времени в Македонии, какой-либо прямой угрозы со стороны персов. Однако арест Гермия, как показывает 4-я Филиппика, сопровождался распространением в Афинах молвы о нем как агенте македонского царя. Это должно было бросить тень на Аристотеля, долгое время жившего при дворе правителя Атарнея и женатого на его близкой родственнице, к тому же находившегося в это время при македонском наследнике³⁷. Против

³⁷ Историчность альянса между Гермием и Филиппом II в последнее время подвергалась сомнениям, наиболее решительно Р. Милнзом [Milns, 1987, pp. 287–302, esp. 301], который утверждает, что современникам событий он не известен, а предание о нем возникло много времени спустя, из-за связей, которые соединяли Аристотеля и с Гермием и с Филиппом, что в свою очередь отразилось в 4-й Филиппике (псевдодемосфеновской, по мнению Милнза). По разным причинам скептически относятся к возможности союза между Гермием и Филиппом [Bosworth, 1988, p. 18. N. 44; Briant, 2002, p. 689 f.; Buckler, 2003, p. 473]. Однако в пользу подлинности 4-й Филиппики приведены серьезные доводы [Hajdu, 2002, S. 44–49; MacDowell, 2009, pp. 354–356]; кроме того, сам пассаж речи, относящийся к Гермию, как давно заметил А. Керте [Körte, 1905, S. 393–395, cf. Hajdu, 2002, S. 268 f.], мог появиться только до его смерти: в нем выражена уверенность, что пленник персов выдаст им планы Филиппа, чего в действительности, как известно из Каллисфена, не произошло. Для биографии Аристотеля более существенно, однако, не то, насколько исторически реален политический союз Филиппа и Гермия против персов (в осторожной форме его допускают некоторые ученые: [Harding, 2006, p. 125; Hajdu, 2002, S. 265–266, 268; Cawkwell, 2005, p. 202, 215 f. N. 13], но то, что современники, как сторонники, так и противники Гермия, были убеждены в существовании у них общих тайных замыслов, причем вскоре после падения Атарнейца. Здесь против Милнза и других скептиков решающее значение имеет, помимо намека в 4-й Филиппике, сообщение Каллисфена о том, что Гермий под пытками не признался ни в чем из того, что задумал Филипп (Didym. In Demosth. VI, 55–57); оно подтверждает, что Гермия персы обвиняли в союзе с Филиппом, а не только в отпадении

этой гипотезы говорит, на первый взгляд, то, что само пребывание при македонском дворе скорее, чем близость к Гермю, могли бы служить препятствием для возвращения Аристотеля в Афины. Надо, однако, помнить, что с македонским царем Аристотеля связывала не политика, но деловые, контрактные отношения, тогда как с Гермием он был соединен родственными и дружескими узами. Гонения, обрушившиеся на Аристотеля в 323 г., после смерти Александра, также не обязательно означают, что уже в конце 40-х гг. он раздражал афинян именно как воспитатель македонского царевича³⁸.

У нас нет прямых подтверждений того, что смерть Гермия и последовавшие за ней события обострили отношения Аристотеля с антимакедонской партией в Афинах и сделали невозможным его возвращение после 340 г. до н. э. Тем не менее, кажется вероятным, что слова «из-за великого царя» намекают на этот период жизни. Как известно, пietet Аристотеля к памяти погибшего друга в конечном счете сыграл роль, по меньшей мере, повода во взаимном отчуждении Афин и Аристотеля: он должен был покинуть

от царя, все равно, имеет ли в виду сам Каллисфен, что Гермий действительно ничего не знал о планах македонского царя или же что он их не выдал персам (ср.: [Harding, 2006, p. 161]). Кроме того, Дидим ссылается на рассказы о судьбе Гермия в двух написанных по горячим следам «Историях Филиппа», Феопомпа и Анаксимена (IV, 66; VI, 61), которые были бы необъяснимы, если бы пленение Гермия не было в глазах современников связано с Филиппом.

³⁸ В нашем распоряжении есть не бесспорное, но вероятное указание, что возвращение в Афины для Аристотеля вскоре после 340 г. было желательным, однако невозможным. Из сообщения Филодема о выборах схоларха Академии (см. примеч. 35) видно, что в период между летом 339 г. и летом 338 г. Аристотель находился в Македонии (это может подразумевать и македонский двор и Стагиры) и что он рассматривался в это время членами Академии как возможный глава Академии, однако его кандидатура не была поставлена на голосование из-за его отсутствия. Отказ Аристотеля от участия в выборах, хотя он, скорее всего, уже был свободен от преподавания в Миесе, естественно объяснить тем, что в это время он сделался в Афинах *persona non grata*. Причиной этого могло быть, конечно, начало открытой войны с Филиппом после осады им Византия и захвата афинских кораблей с зерном осенью 340 г. (к датировке и обстоятельствам объявления войны см.: [Wankel, 1976, S. 437–443]), но вполне вероятно, что эпизод с Гермием еще ранее сделал невозможным возвращение Аристотеля в Афины, особенно если к началу военных действий Аристотель уже был в Стагирах, а не при дворе Филиппа, и не был в строгом смысле приближенным царя. Так, во всяком случае, мог оценивать ситуацию в письме много времени спустя Аристотель.

город после смерти Александра, так как ему угрожало обвинение в нечестии из-за стихотворения, прославлявшего Гермия (Diog. Laert. V, 5; Athen. XV, 696 a–f = Hermipp. fr. 48 Wehrli = T 17 Düring)³⁹.

Однако есть основания думать, что обострение отношений между Аристотелем и афинским истеблишментом из-за памяти Гермия относится еще ко времени вскоре после гибели последнего. В это время Аристотель посвятил в Дельфах кенотаф и статую Гермия с эпитафией, в которой он оплакивал жертву предательского коварства царя персов, поправшего божественную правду (Diog. Laert. V, 5; Didym. In Demosth. VI, 36–43)⁴⁰. Очевидно тогда же было написано и стихотворение, обращенное к Ἀρετῆί, в котором Аристотель сравнивал погибшего правителя Атарнея с Гераклом, Диоскурами, Аяксом и Ахиллом, как и он, отдавшими жизнь за добродетель, «умереть за которую в Элладе — желанный жребий»⁴¹. Скорее всего, к тому же времени относится и хвалебное сочинение о Гермии племянника Аристотеля Каллисфена (Didym. In Demosth. V, 64 sqq.).

Р. Ренехан, очевидно, прав [Renehan, 1982, p. 265], возражая В. Йегеру, который видел в стихах Аристотеля *демонстративный* вызов антимакедонской партии в Афинах⁴². Это верно в том смысле, что ни стихи, ни почести, которые Аристотель воздавал Гермию, не имели целью задеть афинских противников Филиппа — Гермий не действовал непосредственно против Афин, а оба стихотворения Аристотеля, враждебные царю персов и в какой-то

³⁹ Текст стихотворения, дошедший в нескольких вариантах, и относящиеся к нему свидетельства: [Aristotelis epistularum..., 1961, pp. 1–2, 4–6]. Из новых работ см. особенно: [Renehan, 1982, pp. 251–274; Dorandi, 2007, pp. 21–26].

⁴⁰ Как свидетельствует эпиграмма Феокрита Хиосского (Didym. In Demosth. VI, 43–49 = 15 b Düring), пародирующая эту надпись, статуя была воздвигнута на кенотафе Гермия, а, значит, вскоре после получения известия о его гибели.

⁴¹ В полемике по поводу происхождения Гермия, возникшей после его смерти (см. о ней: [Runia, 1986, p. 532 f.]), стихи Аристотеля не служат, как кажется, подтверждением «чистоты» его крови [Jaeger, 1948, p. 112]; они скорее подразумевают, что Гермий (кто бы ни был по рождению) умер как грек, более того, как один из величайших эллинских героев.

⁴² [Jaeger, 1948, p. 117]. Йегер выходит за пределы известного и, пожалуй, правдоподобного, говоря об осведомленности Аристотеля о тайном союзе между Гермием и Филиппом и о самом приглашении Аристотеля в качестве воспитателя Александра как следствии этой политической комбинации [Jaeger, 1948, pp. 119–121].

мере «варварам» в целом, не содержат ничего, что могло бы восприниматься как проявление промакедонских или антиафинских настроений. Однако Ренехан напрасно недооценивает политический резонанс, который имели стихи и в целом поведение Аристотеля, связанное со смертью Гермия, ссылаясь на то, что стихотворение «К Добродетели» имеет сложную форму и что Гермий был обозначен в нем непрямо — как «питомец Атарнея», а значит Аристотель обращался к узкому кругу друзей. Эти соображения вряд ли имеют решающий характер — о том, в какой обстановке исполнялся пеан (или гимн) к добродетели вскоре после гибели Гермия, мы можем строить лишь предположения⁴³, но вряд ли это был интимный круг друзей Аристотеля⁴⁴; перифрастическое обозначение Гермия также предполагает скорее его известность, чем узость аудитории. Большое значение имеет то обстоятельство, что посвящение Аристотелем в Дельфах статуи Гермю и надписи на ней вызвало, очевидно, незамедлительно, появление эпиграммы Феокрита Хиосского, известного своей антимакедонской позицией, см.: [Laqueur, 1934, Sp. 2026 f.]. Аристотель предстает в ней в качестве паразита, неразборчивого в выборе покровителей и просчитавшегося в своих расчетах на безбедную жизнь при атарнейском дворе⁴⁵. Это можно считать отголосками политического скандала, разразившегося вскоре после гибели Гермия. По-видимому, независимо от намерений Аристотеля, афинский демократический истеблишмент был серьезно задет открытыми и даже демонстративными выражениями скорби по союзнику Филиппа и, одновременно, отчетливой антиперсидской направленностью этих стихов — в момент, когда, как мы знаем из 4-й Филиппики Демосфена, афинские политики

⁴³ Ф. Хардинг предполагает, что исполнение стихотворения хором могло иметь место в Дельфах, при посвящении статуи Гермия или в Македонии [Harding, 2006, p. 155 f.].

⁴⁴ Говоря об узком круге друзей, Ренехан, видимо, имеет в виду указание, связанное с позднейшим обвинением в нечестии, о том, что стихи в честь Гермия исполнялись во время *ежедневных* «сисситий» (Athen. XV, 696 a), то есть, как обычно понимают, во время совместных трапез в Ликее. Однако это сообщение относится уже к афинскому периоду Аристотеля, а не к первоначальному исполнению стихотворения, и даже для этого времени не предполагает интимность исполнения — оно происходило во время официальных трапез школы и притом ежедневно, как молитвенное обращение к богам.

⁴⁵ См. примеч. 8 и 38.

надеялись на помощь персидского царя против Македонии⁴⁶. Итак, осторожнее будет говорить не об антиафинской направленности действий Аристотеля, но о враждебной реакции ведущих афинских политиков на его поступки, которые были продиктованы личными и моральными мотивами.

Косвенно на конфликт Аристотеля с антимакедонской партией в Афинах в то время, около 340 г., указывает, по-видимому, и выбор в качестве повода для обвинения против него много позже, в 322/321 гг., стихотворения в честь Гермия⁴⁷. Обвинение в нечестии, вероятно, нарочно недостаточно определенно сформулированное⁴⁸, состояло в том, что Аристотель ежедневно исполняет пеан в честь Гермия во время сисситий — и жанр стихов, и регулярность обвинения намекали на обожествление⁴⁹. Почитание

⁴⁶ Помимо этой общей направленности стихов, раздражающими могли быть и отдельные мотивы, например, то, что присущее *грекам* почитание доблести выше земных благ и самой жизни обнаруживается у пленника персидского царя, который поддерживал антимакедонскую партию в Афинах щедрыми субсидиями.

⁴⁷ О. Жигон [Gigon, 1958, S. 178–179] и недавно вновь Ж. Болланзее [Bollansée, 2001, pp. 79–83] сомневаются в историчности обвинения. Однако в нашем распоряжении несколько явно независимых друг от друга свидетельств, называющих достоверные детали: обвинителем Аристотеля был Демофил, за которым стоял иерофант Евримедонт (Hermipp. fr. 48 Wehrli = Athen. 696 a–b, cf. Favorin. fr. 36 Mensching = Diog. Laert. V, 5), оба — заметные противники Македонии, позднее казненные после перехода Афин под власть Кассандра в 317 г. (Plut. Phoc. 38, 1, см.: [O'Sullivan, 2009, p. 41]); первый из них был обвинителем Фокиона в 318 г, второй — Феофраста, примерно в то же время [O'Sullivan, 2009, p. 205]. Вопрос Жигона, почему дело было начато много позже написания стихов в память о Гермии, не учитывает действительного характера обвинения (оно состояло не в сложных стихов, но в регулярности их исполнения, см. ниже); кроме того, обвинить Аристотеля раньше было нельзя из-за защиты, которую ему обеспечивала Македония.

⁴⁸ В афинском законе не было, по всей видимости, точного определения, какие слова или поступки подпадают под обвинение в нечестии: [MacDowell, 1978, p. 199–200].

⁴⁹ Формулировка, приводимая Афинеем (Athen. XV, 696 a), который, как обычно считают, следует здесь Гермиппу (о степени зависимости от Гермиппа всего раздела Athen. XV, 51, 696 a — 697 b см.: [Bollansée, 2001, pp. 70–75]), производит впечатление точной: обвинение состояло в том, что Аристотель проявляет нечестие, исполняя ежедневно во время сисситий пеан в честь Гермия (гимн по иной версии, Diog. Laert. V, 5; Дидим также называет стихотворение пеаном — Didym. In Demosth. 6, 19) — таким образом, обвинители инкриминировали Аристотелю не просто сочинение, но *регулярное* исполнения пеана, то есть совершение обряда в честь божественного существа, не признанного в Афинах.

Гермия Аристотелем и его учениками носило, очевидно, и в самом деле экстраординарный характер; однако содержание стихотворения не дает оснований говорить о действительном обожествлении (хотя и не исключает его прямо), которое было бы несовместимо с философскими взглядами Аристотеля⁵⁰. Существеннее то, что обвинители в любом случае вряд ли могли рассчитывать на успех, если бы весьма спорное обвинение в религиозном проступке не воспринималось присяжными как политическое, а именно подразумевающее связь Аристотеля с правителями Македонии. Нужно помнить, что оно было выдвинуто вскоре после известия о смерти Александра, когда Афины либо готовились к схватке с македонским главнокомандующим Антипатром, либо уже вступили в нее⁵¹.

⁵⁰ Религиозного почитания Гермия в строгом смысле само стихотворение не подразумевает — его адресатом формально является не Гермий, а божественная Добродетель. Однако изображение в стихах Гермия как смертного не снимает с Аристотеля обвинения в его религиозном почитании столь легко, как полагал биограф Аристотеля Гермипп (Athen. 696 d-e), который утверждал, что стихотворение не было пеаном, так как Гермий назван в них стихах умершим и, значит, не считается богом; ср. сходные аргументы в явно фальсифицированной речи, якобы произнесенной Аристотелем на суде, Athen. 697 a = Arist. fr. 592 Rose; в том же духе высказывается Ренехан, указывая, что Гермий, согласно стихам, бессмертен только в его славе [Renehan, 1982, p. 253 f.]. Однако Гермий в стихах отнесен к величайшим героям мифов, а они пользовались культовым почитанием, несмотря на физическую смерть, причем один из них, Геракл, почитался и как герой, и как бог. Пеаны посвящались не только богам, но и героям, известным из мифов, и даже просто павшим в бою; после Александра пеаны сочинялись в честь царей и полководцев при их жизни (см. свидетельства: [Käppel, 1992, S. 341–349]), ко времени жизни Аристотеля известен один пример пеана, прямо связанного с недавним апофеозом — в честь спартамца Лисандра, который, скорее всего, уже при жизни стал почитаться, причем как бог, а не как герой, на Самосе (Plut. Lysandr. 18; Athen. 696 e), но культ продолжал существовать и после его смерти [Bosworth, 1988, p. 280]. Жанровая принадлежность стихотворения Аристотеля была и остается спорной (см.: [Renehan, 1982, pp. 254–256; Ford, 2011, ch. 6], но, как заметил Вилановиц [Wilamowitz-Moellendorff, 1892, S. 405 f.], по формальным признакам оно более всего напоминает пеан Арифрона к богине здоровья (ок. 400 г., PMG 813; [Käppel, 1992, S. 368 f.]). Регулярное исполнение стихов во время пиршеств вызывает ассоциацию с пеаном, который пели вслед за тройным возлиянием олимпийским богам, героям и Зевсу Сотеру, и адресатом которого был, вероятно, Зевс [Käppel, 1992, S. 52–53]; обвинение могло намекать на замещение в обряде Зевса Гермием.

⁵¹ В это же время был обвинен антимакедонской партией в нечестии оратор Демад из-за его прежнего предложения причислить Александра к Двенадцати богам, см.: [Хабиخت, 1999, с. 44; O'Sullivan, 2009, p. 207, 210]. Сказанные

Общая ненависть к Македонии легко нашла выражение в атаке на философа, который не только был учителем Александра, но и близким знакомым, может быть, даже другом Антипатра⁵². Можно, следовательно, предположить, что выбор стихов в честь Гермия как повода для процесса объяснялся во-первых тем, что тот считался союзником Филиппа, а во-вторых тем, что в Афинах было памятно почитание Аристотелем Гермия вскоре после его гибели и раздражение, которое вызвал этим Аристотель в то время, можно было теперь реанимировать в суде⁵³.

Итак, есть основания думать, что фраза «я из Афин прибыл в Стагиры из-за великого царя» означает не прямой переезд из Афин в Стагиры, но череду странствий — Афины, Ассос, Митилена, Миеза, Стагиры, а упоминание о персидском царе намекает на решающее обстоятельство, сделавшее невозможным возвращение Аристотеля в Афины около 340 г. — им было не преподавание в Македонии, но захват персидским царем Гермия и распространение слухов о нем как о проводнике планов Филиппа II⁵⁴, обострившие отношения Аристотеля с политической группировкой в Афинах,

тогда же слова Гиперида (Epitaph. 21) о том, как македонский царь силой навязал городу не только свое обожествление, но и героизацию своих слуг (речь идет о Гефестионе), показывают, в каком направлении могли трактовать стихи Аристотеля его обвинители.

⁵² Обвинение в нечестии было обычной формой политического преследования философов в Афинах, но все же выбор именно его для расправы с Аристотелем показывает, что у его противников не было доказательств его политических связей с Македонией, например, чего-то вроде перехваченной якобы его предательской переписки с Филиппом, которую упоминал Демохар в своей речи против афинских философов уже после смерти Аристотеля, в 306 г. (Aristocl. F 2 Chiesara = Euseb. Praep. Evang. XV, 2, 6 = T 58 g Düring).

⁵³ Если верно, что в обвинении фигурировала также эпитафия Гермия, сочиненная Аристотелем (Diog. Laert. V, 5–6), которая не продолжала, разумеется, рецицироваться и даже косвенно не предполагает религиозного почитания, то это служит подтверждением, что враги Аристотеля были намерены использовать неприязнь судей к Гермию, которая могла возникнуть только давно, около 340 г.

⁵⁴ Время казни Гермия неизвестно, но поскольку намек на его пленение в 4-й Филиппике (лето 341 г.) выглядит как указание на недавнее событие, а из рассказа Каллисфена (Didym. In Demosth. V, 66–VI, 10) видно, что он был затем перевезен в резиденцию персидского царя и достаточно долго до казни находился в заточении, его смерть нужно отнести приблизительно к 340 г. (ср: [Kahrstedt, 1910, S. 11]), когда Аристотель мог уже обдумывать возвращение из Македонии в Афины.

которая вела город к войне с Македонией. Тем самым решается, видимо, и вопрос, почему Аристотель называет именно Стагиры, а не, к примеру, Миезу как промежуточный пункт в своих странствиях из Афин в Афины — очевидно, именно к моменту переезда в Стагиры для него оказался закрыт путь в Афины⁵⁵.

О переезде Аристотеля после 340 г. в родной город наши источники не сообщают, но сам по себе он возможен. Стагиры, небольшой и в это время малозначительный город на востоке Халкидского полуострова⁵⁶, перешли под власть Филиппа в 348 г., в результате победы царя над Олинфом и другими городами, входившими в Халкидский (Олинфский) союз. Биографы Аристотеля сообщают о разрушении города Филиппом и о его восстановлении впоследствии по настоянию Аристотеля (самим Филиппом или после его смерти Александром), а также о том, что Аристотель написал законы для восстановленного города и впоследствии почитался в нем в качестве основателя (Diog. Laert. VI, 4; Vita Marciana 17 Düring, см. также Plut. Alex. 7, 2 = T 25; T 27 a–k Düring). Надежность каждого из элементов этой традиции вызывает сомнения, но в це-

⁵⁵ Н. А. Алмазова во внутренней рецензии на эту статью высказала интересное альтернативное предположение, позволяющее придать фразе из письма Александра, Аристотель приезжал в Афины с намерением там остаться, но вскоре обнаружил, что сделался персоной non grata и отбыл в Стагиры». Мы не решаемся определенно принять этот вариант толкования, но в пользу временного возвращения в Афины можно привести сообщение Гермиппа (Diog. Laert. V, 2) о том, что Ксенократ был избран схолархом Академии, когда Аристотель отправился в качестве посла к Филиппу ради афинян, следовательно, в 339/338 г. Этому свидетельству в буквальном смысле едва ли можно доверять из-за его апологетической тенденции (см.: [Mulvaney, 1926, p. 162; Merlan, 2006, p. 110; Düring, 1957, p. 58]; осторожнее О. Жигон, который только отмечает, что оно противоречит хронологии Аполлодора [Gigon, 1958, S. 165]. Во всяком случае, оно не имеет прямого отношения к высказыванию Аристотеля, как этого хотел Р. Вайль [Weil, 1960, p. 18 ss.], так как «из-за великого царя» не может относиться к Филиппу (см. выше), а из-за посольства Аристотель не должен был оказаться в Стагирах (ср. против Вайля: [Natali, 1991, p. 54; 86. N. 96]). Можно, однако, допустить, что в искаженной форме это свидетельство отражает факт пребывания Аристотеля в Афинах в течение некоторого времени после 340 г. и последующий отъезд в Македонию.

⁵⁶ Наиболее детальная современная сводка сведений с обсуждением вопроса о локализации города: [Zahrnt, 1971, S. 238–243], ср.: [Flensted-Jensen, 2004, p. 844].

лом есть основания полагать, что город в той или иной степени пострадал во время завоевания Филиппом Халкидики и что Аристотель мог поэтому содействовать его возрождению⁵⁷. Во всяком случае, существование города при жизни Аристотеля подтверждается упоминанием Стагир в его завещании, из которого также видно, что философ сохранял связь с городом после возвращения в Афины, а также после вынужденного отъезда из Афин на Евбею перед смертью, хотя и не следует прямо, что Аристотель когда-либо постоянно жил в Стагирах⁵⁸. Более надежных указаний на длительное пребывание философа в Стагирах, как будто,

⁵⁷ О разрушении Стагир известно лишь из аристотелевской биографической традиции. Кроме того, в сообщении Диодора (Diod. XVI, 52, 2 = T 27 a Düring) о разрушении Филиппом неизвестного укрепленного места на Халкидике, Γεῖραχ / Ζεῖρα (accus.), согласно рукописям, Στάγειρα ex coniectura было восстановлено г. Унгером, который опирался на ту же биографическую традицию [Unger, 1874, S. 40]; см. также, видимо, независимо от Унгера: [Beloch, 1897, S. 502. Anm. 1 (2. Aufl. Bd. III. Abt. 1. Berlin; Leipzig, 1922, S. 494. Anm. 1)]; след за Белохом принято в издании: [Diodori Bibliotheca Historica, 1906, p. 80]. Решительно против традиции о разрушении города и, соответственно, против роли в его восстановлении Аристотеля возражал Мальвени [Mulvany, 1926, p. 163], который указал на ненадежность эмэндации, а также на то, что Стагиры, как колония Андроса, а не Халкиды (Thuc. IV, 88, 2; V, 6, 1), скорее всего, не входили в Халкидский союз, а, значит, едва ли воевали против Филиппа (ср. также [Düring, 1957, p. 59; 293]; О. Жигон, не полагаясь на Диодора, считает все же, что Стагиры были разрушены, но лишь частично, и скоро восстановлены [Gigon, 1962, S. 57]. Сомнения в исправлении текста Диодора резонны, но современные историки, по-видимому, правы, когда признают захват Филиппом Стагир и их полное или частичное разрушения, полагаясь в первую очередь на сообщения об Аристотеле, независимо от Диодора: [West, 1918, p. 242, cf. p. 247] (против эмэндации); [Zahrnt, 1971, S. 243] (cf. ibid. S. 109: позднейшие обозначения города как принадлежащего Олиффу говорят за вхождение его в Халкидский союз ко времени завоевания Филиппа); [Hatzopoulos, 1996, p. 191, 198] (стены эллинистического времени свидетельствуют в пользу восстановления города Филиппом); [Flensted-Jensen, 2004, p. 844]. Утверждение Демохара в 306 г. (Aristocl. F 2 Chiesara = Euseb. Praep. Evang. XV, 2, 6 = T 58 g Düring), что Аристотель предал Стагиры Филиппу, несмотря на всю его абсурдность, также подтверждает, судя по его прототипу, спискам «предателей» у Демосфена (De corona 48; 295), что город достался Македонии не без труда.

⁵⁸ Согласно завещанию, в храм Зевса и Афины Спасителей в Стагирах должна быть посвящена статуя в благодарность за спасение Никанора, племянника (Diog. Laert. V, 16) и, видимо, приемного сына Аристотеля. Кроме того, Герпиллиде, экономке и, возможно, сожительнице Аристотеля, предоставлялись для жизни на выбор отцовский дом Аристотеля в Стагирах, очевидно, пустовавший в это время, или гостевая пристройка в Халкиде на Евбее (Diog. Laert. V, 14).

не обнаруживается⁵⁹, но, независимо от правдивости предания о роли Аристотеля в восстановлении Стагир, его возвращение на родину в после 340 г. и до переезда в Афины в 335/334 г. оказывается вполне возможным⁶⁰.

Обратимся теперь ко второй половине замечания Аристотеля. На сегодняшний день преобладает мнение, что Аристотель имеет в виду свое возвращение в Афины прямо из Стагир и что он — то ли всерьез, то ли в шутку — называет в качестве причины своего переезда холодный климат родного города, иными словами, что ὁ μέγας χεῖμων означает что-то вроде «суровая зима». Первым, насколько можно судить, в таком духе высказался Д. Блэксли⁶¹, так понимают его В. Йегер («because of the great cold») [Jaeger, 1948, p. 311], который сомневается в подлинности этого письма, и И. Дюринг («the hard climate») [Düring, 1957, p. 400; Düring, 1968, S. 13 Anm. 70], который

⁵⁹ Упоминания о флоре Стагир в «Истории растений» Феофраста (Hist. plant. III, 11, 1; IV, 16, 3), а также земельный участок, которым он владел в Стагирах и по завещанию оставил некоему Каллину (Diog. Laert. V, 52), не доказывают, как иногда полагают, что Феофраст, постоянный сотрудник Аристотеля, жил вместе с ним в Стагирах и приобрел там собственность до переезда обоих в Афины [Jaeger, 1948, p. 115. N. 1; Regenbogen, 1940, Sp. 1357; Düring, 1966, S. 12]. Сочинение Феофраста было написано после смерти Аристотеля (причем IV, V, IX книги наиболее поздние, [Regenbogen, 1940, Sp. 1452–1453], а его владение в Стагирах это, как предполагают, отцовский дом Аристотеля (см. предыд. примеч.), который перешел к его сыну Никомаху, а затем от рано умершего Никомаха к Феофрасту, который был его опекуном (см. [Mulvaney, 1926, p. 158; Düring, 1957, p. 266; Gottschalk, 1972, p. 324]). Наблюдения Феофраста в Стагирах могли быть, таким образом, сделаны во время посещения им города уже после смерти Аристотеля.

⁶⁰ А. Мансьон [Mansion, 1958, p. 628], а за ним Г. Готтшалк [Gottschalk, 1972, p. 324. Note 5], возражая Дюрингу, отмечают, что хронологические указания Аполлодора не оставляют возможности для длительного пребывания в Стагирах. Здесь в самом деле есть трудность, однако восьмилетнее пребывание у *Филиппа в качестве воспитателя* Александра, о котором сообщает Дионисий Галикарнасский, следуя Аполлодору, в любом случае нельзя понимать буквально (см. выше). Приходится поэтому допустить, что либо Аполлодор не знал обо всех передвижениях Аристотеля в этот период (он не упоминает, например, о длительном пребывании в Дельфах вместе с Каллисфеном, см. примеч. 23), либо что переезд в Стагиры, значимый для Аристотеля, не был таковым для источников Аполлодора. Во всяком случае, нет, кажется, возможности иначе объяснить высказывание Аристотеля, которое ни Мансьон, ни Готтшалк не принимают во внимание.

⁶¹ «We should incline to believe that the greater mildness of climate was the influencing cause» [Blakesley, 1839, p. 58 f.]. Далее следуют соображения о любви Аристотеля к ведению бесед во время прогулок, которые были бы затруднительны в холодном климате.

считает его аристотелевским. В подтверждение Дюринг указывает на пассаж Фемистия (Or. 26, p. 376 Dindorf), который, перифразируя строки Гомера о журавлях, мигрирующих в Египет от зимы и страшного ливня, говорит о них как бегущих от μέγας χειμών.

Между тем уже У. Ньюмен высказал сомнение в том, что Аристотель имеет в виду холодный климат Стагир. Он заметил (ссылаясь на Plat. Prot. 344 d), что ὁ μέγας χειμών скорее означает сильную бурю, чем суровую зиму, или же «великую зиму» в специфическом аристотелевском значении, то есть повторяющийся через огромные промежутки времени период катастрофических ливневых дождей, приводящих к потопу и разрушению местной цивилизации (Meteor. I, 14, 352 a 29–32) [Newman, 1887, p. 467]. Ньюмен не развил первое из своих предположений, а по поводу второго заметил, что астрономическая зима должна была иметь место в 342 г., но не видит какой-либо правдоподобной связи между этой датой и возвращением Аристотеля в Афины в 335 г. [Newman, 1887, pp. 576–577]. Добавим к этому, что аристотелевская «великая зима» в действительности обусловлена не астрономическими, но метеорологическими процессами, и потому время ее наступления, согласно Аристотелю, не может быть точно предсказано⁶². Кроме того, само предположение, что Аристотель как-то связывал свой переезд с наступлением катастрофического потопы, кажется нам еще менее вероятным, чем Ньюмену. Напротив, большего внимания заслуживает первое предположение Ньюмена о том, что μέγας χειμών означает большую бурю или шторм, даже не упомянутое ни Йегером, ни Дюрингом, которые придерживаются толкования Блексли — Аристотель вернулся в Афины из-за сурового климата в Стагирах.

Нет сомнений, что сами по себе зимы на Халкидском полуострове могут быть весьма суровыми, во всяком случае, по афинским меркам⁶³. Однако действительно ли μέγας χειμών указывает

⁶² См. нашу работу: [Verlinsky, 2006, pp. 51–68].

⁶³ Платоновский Алкивиад, рассказывая о стойкости Сократа в перенесении зимней непогоды на примере кампании близ Потидеи (432 г.), ссылается на суровость зимы на Халкидском полуострове как на общеизвестную: δεινοὶ γὰρ αὐτῶν χειμῶνες (Plat. Symp. 220 a 7); подозрение, что Сократ не мог участвовать в Потидейской кампании в зимнее время [Dover, 1980, p. 165; 173 ad loc.], по счастью, не основательно, см.: [Planeaux, 1999, pp. 72–77]; Dover указывает здесь же на Aristoph. Acharn. 138 sq., где говорится о суровой зиме в соседней с Халкидикой Фракии.

на зиму? В словаре Liddell — Scott — Jones (LSJ) различаются два основных значения слова $\chiειμων$ — 1) зима и 2) холодная, бурная погода (*wintry, stormy weather*) или же буря (*storm*). В действительности, после просмотра с помощью электронного *Thesaurus linguae Graecae* (TLG) мест, в которых встречается слово $\chiειμων$ у важнейших авторов V–IV вв. до н. э. (Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Платон, Аристотель, аттические ораторы, сочинения Гиппократовского корпуса), можно сделать вывод, что отчетливо различаются два значения этого слова — 1) сезонное значение «зимнее время года», которое может подразумевать, но не обязательно подразумевает холодную погоду, бури, штормы, и 2) значение «буря, шторм», то есть стихийное бедствие, сравнительно непродолжительное. Появление такого выражения, как $\chiειμερινὸς \chiειμων$ ([Hipp.] *Epid.* VII, 106 = V, 456, 12 L.), указывает, что оба значения $\chiειμων$ отчетливо различались. Труднее решить, имеется ли помимо двух указанных значений еще третье, указанное в LSJ как разновидность второго, — «холодная, бурная погода»⁶⁴. Примеры, приведенные в словаре, как и те, что мы просмотрели при помощи TLG, позволяют сделать вывод, что есть случаи, когда $\chiειμων$ с соответствующим прилагательным означает более или менее продолжительный ненастный период, но строго отделить это значение от значения «зима» едва ли возможно (нам не встретились случаи, когда $\chiειμων$ без определения означало бы, например, «холод» не в зимнее время, тогда как для кратковременной бури такое обозначение нормально). По-видимому, для подобных случаев можно говорить о расширительном употреблении слова $\chiειμων$ в его первом, сезонном значении, подобно тому, как в русском возможно выражение «ранняя зима»; нельзя также исключить интерференцию двух основных значений, но отчетливого появления у $\chiειμων$ семантики «холод», «холодная погода», не говоря о более абстрактном «холодный климат», по-видимому, не наблюдается⁶⁵.

⁶⁴ Ср. также: [Frisk, 1960], s. v. $\chiειμων$ ('Winter, Winterwetter, Sturm'); [Chantraine, 1980], s. v. $\chiειμων$ (froid, hiver, tempête).

⁶⁵ Попытки перевода на современные языки скорее затемняют, чем проясняют особенности греческого употребления $\chiειμων$ в этом значении. Например, двусмысленное английское *wintry (weather)* (LSJ s. v.) оставляет неясным, идет ли речь в этих местах о зимней или холодной погоде или о той и другой. Русская «стужа», как нередко передается $\chiειμων$ в этом значении в отечествен-

Еще более определенно значение выражения μέγας χειμών. У всех просмотренных нами авторов оно обозначает всегда относительно кратковременное стихийное бедствие (при этом, случайно или нет, во всех примерах речь идет о морской буре или шторме)⁶⁶. Напротив, когда речь идет о более или менее продолжительном периоде холода и осадков, то есть о зимнем периоде, χειμών употребляется с прилагательными ἰσχυρός (Xen. Anab. V, 18, 2; Cyrop. I, 6, 39; VI, 2, 30), δεινός (Xen. Anab. VII, 6, 9; Plat. Symp. 220 a 7), καρτερός, встречаются также βόρειος и даже χειμερινός (см. выше). Уже упоминавшееся отчетливое различие двух значений χειμών подтверждается тем, что эти последние прилагательные не употребительны с χειμών в значении «буря, морской шторм» и, наоборот, μέγας не сочетается с χειμών, когда последнее обозначает зимний период. Применительно к интересующему нас выражению Аристотеля отсюда следует, что предполагаемое большинством ученых значение «из-за холодной зимы» или — менее буквально — «из-за сурового (холодного) климата» необычно и что гораздо более естественно понимать его как означающее «из-за сильной бури».

Однако цитируемый Дюрингом пассаж Фемистия (Or. 26 p. 376 Dindorf) как будто выбивается из этого ряда и говорит, на первый взгляд, в пользу того, что διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν у Аристотеля значит «из-за суровой зимы»:

Οὐ δῆπου με τὰ θέατρα οὕτως ἀγαπᾶν ἠγεῖσθε ὥστε ἀγνοεῖν ὅτι ὀλίγοι ἔμφρονες πολλῶν ἀφρόνων τῷ λέγοντι φοβερῶτεροι, ὥσπερ, οἶμαι, καὶ τοὺς ἄρχοντας τῶν στρατοπέδων ὀλίγοι τε καὶ

ных переводах, например, Ксенофонта, хотя и правильно отчасти, так как холод в таких случаях обычно подразумевается, но не передает более важные коннотации χειμών — ветер, осадки, и, кроме того, не подразумевает, как в греческом, что речь идет о зимнем времени года.

⁶⁶ Hdt. VII, 34, 5; 170, 2; 188, 2; Soph. Ajax 1148–1149; Eur. Phaeth. fr. 781, 58 N. (в метафорическом значении); Thuc. VIII, 34; Xen. Hell. I, 6, 35; [Hipp.] De vet. med. 9, 4 = I, 590, 7 L.; Epid. I, 7 = II, 640, 1 L. (μέγιστοι χ.); Epid. I, 2, 4 = II, 614, 15 L. (ὀπισθοχειμῶνες μεγάλοι); Plat. Protag. 344 d. Кроме того, встречается аналогичное выражение τὸ μέγεθος τοῦ χειμῶνος, означающее также силу бури или шторма, но не суровость зимы (Thuc. III, 24, 1; Xen. Hell. I, 7, 3; 7, 6; Plat. Ep. 7, 351 d 5 sq.). То же значение имеют χειμών πολὺς (Xen. Anab. IV, 1, 15; [Plat.] Alcib. II 147 a 7), ἐξάσιος ([Hipp.] Epist. 27, 5 = IX, 416, 2 L.).

λογάδες ἀντικαθήμενοι εὐλαβεστέρους ποιούσιν ἢ πολὺς ὄμιλος συμπεφυρμένος ἀφράκτων καὶ ψιλῶν καὶ ἀνίπων, ἄλλων ἐξ ἄλλης γλώσσης θορυβούντων καὶ ἐπηχούντων· οἷον Ὅμηρος εἶναι λέγει τὸ βαρβαρικὸν στρατόπεδον, ἀπεικάζων αὐτῶν τὴν βοὴν ὄρνισιν ἅμα κλαγγῇ πετομένοις ἐπὶ Νεῖλον τὸν ποταμὸν διὰ τὸν μέγαν χειμῶνα.

Но конечно не думайте, что так восхищаюсь я публикой, чтобы забыть, что немногие рассудительные люди страшнее для меня, когда я произношу речь, чем множество глупцов. Не так ли немногие, но искусные противники побуждают военачальников к большей осторожности, чем огромная беспорядочная толпа из людей без доспехов, оружия и коней, вопящая на разных языках? Таким изобразил Гомер варварское войско, уподобив его крик птицам, что с криком устремляются к реке Нил διὰ τὸν μέγαν χειμῶνα.

Фемистий определенно перифразирует знаменитое гомеровское сравнение троянцев, которые крича устремляются в битву, с журавлями, перелетающими в зимнее время в Египет (Ном. II, 3, 1–7):

Αὐτὰρ ἐπεὶ κόσμηθεν ἅμ' ἠγεμόνεσσιν ἕκαστοι,
Τρῶες μὲν κλαγγῇ τ' ἐνοπῇ τ' ἴσαν ὄρνιθες ὡς
ἦῦτε περ κλαγγῇ γεράνων πέλει οὐρανόθι πρό·
αἴ τ' ἐπεὶ οὖν χειμῶνα φύγον καὶ ἀθέσφατον ὄμβρον
κλαγγῇ ταί γε πέτονται ἐπ' ὠκεανοῖο ροάων
ἀνδράσι Πυγμαίοισι φόνον καὶ κῆρα φέρουσαι·
ἠέριαι δ' ἄρα ταί γε κακὴν ἔριδα προφέρονται.

Казалось бы, в самом деле, коль скоро гомеровское χειμῶνα φύγον подразумевает сезонный перелет и соответствует διὰ τὸν μέγαν χειμῶνα Фемистия, последнее выражение означает что-то вроде «из-за холодной зимы», как думает И. Дюринг. Однако при более пристальном взгляде на соотношение двух текстов это оказывается далеко не бесспорным. Здесь следует учесть, что гомеровские журавли кричат, ибо устремляются в бой с пигмеями, а не от того, что бегут от зимы, которую они давно оставили позади себя⁶⁷. Напротив, у Фемистия мотив предстоящего сражения

⁶⁷ Оставляем в стороне интересный вопрос, означает ли χειμῶνα у самого Гомера «зиму» или «бурю». Кажется во всяком случае возможным, что сезонную миграцию журавлей поэт мог описательно назвать бегством от бури (так понят гомеровский пассаж, например, в словаре LSJ). Рецепция гомеровского сравнения показывает (см. материал, собранный в аппарате к схолиям: [Scholia

забыт, и крик журавлей обусловлен исключительно тем, что они устремляются на юг διὰ τὸν μέγαν χειμῶνα⁶⁸. Учитывая, что μέγας χειμῶν, как было показано выше, обычно имеет значение «большая буря», ничто не мешает думать, что так следует понимать его и у Фемистия — журавли кричат, гонимые великой бурей, то ли настоящей, то ли предчувствуемой ими⁶⁹.

Не служит доводом против такого понимания μέγας χειμῶν и пассаж из аристотелевской «Метеорологики» (I, 14, 352 a 29–32). В нем это выражение, обозначающее периодически происходящий избыток дождей, безусловно основано на значении χειμῶν «зимнее время года», а не «буря». Однако в данном случае это специальный термин, скорее всего введенный самим Аристотелем, который понятен только в силу того, что по соседству находится выражение μέγας ἐνιαυτός. При этом само μέγας χειμῶν означа-

Graeca in Homeri Iliadem, 1969. Schol. ad 3, 1 sqq.]), что его понимали и в первом, и во втором смысле. Для «зимы» см., с одной стороны, Hdt. II, 22, 4 (своего рода комментарий к гомеровскому пассажи), а, с другой, любопытное своим буквализмом суждение знаменитого гомеровского филолога, Аристоника, что гомеровское χειμῶν нужно понимать не как зимнее время года (как, вероятно, полагали многие до него), ибо журавли летят, не убегая от него, но его предчувствуя, а как бурную Фракию (τὸν χειμερινὸν τόπον τῆς Θράκης), из которой они мигрируют (ср. также Suda, s. v. χειμῶν, p. 800, 17–20 Adler). К пониманию гомеровского χειμῶν как «буря», «ненастье» см. след. прим.

⁶⁸ Крик гомеровских журавлей в прямой и опосредованной рецепции гомеровского образа нередко ассоциировался либо со страхом конкретного ненастья, либо с его провозвестием, и, наоборот, забывалось, как у Фемистия, что крик этот у Гомера представлял собой боевой угрожающий клич. Так, журавлиный крик, с которым Вергилий сравнивает боевой клич троянцев, птицы, летающие на юг, издадут в самую непогоду (Aen. X, 264 sq.: Quales sub nubibus atris / Strymoniae dant signa grues atque aethera tranant / Cum sonitu, fugiuntque notos clamore secundo). Подобному восприятию гомеровского образа способствовало, очевидно, то, что журавли бегут не просто от χειμῶν, но еще и от «страшного дождя» (ἄθρόσφατον ὄμβρον), что могло у самого Гомера означать эвентуальное следствие еще только наступающей зимы, но легко воспринималось и как часть описания уже наступившей бури, которая гонит птиц на юг.

⁶⁹ Так понимал парафразу Фемистия В. Розе, который первым указал на эту параллель в связи с загадочным фрагментом из письма Аристотеля [Rose, 1863, pp. 596–597]. Согласно Розе, сам Аристотель сравнивает свой переезд из Стагир в Афины с перелетом птиц. С этим трудно согласиться, так как у Аристотеля, в отличие от Фемистия, нет ни вербальных переключек с гомеровским пассажем, ни какого либо намека на миграцию птиц, у самого же Гомера нет выражения μέγας χειμῶν. По поводу предположения Розе, что Аристотель намекает на поход Александра в Азию как на причину переезда, см. далее.

ет в первую очередь, по аналогии с μέγας ἐνιαυτός, необычайную продолжительность зимнего периода, а дополнительную коннотацию, «катастрофические ливни», оно получает благодаря обычно для греческого ассоциированию χειμών с осадками и бурями. Одним словом, нет оснований не только связывать μέγας χειμών из письма Аристотеля с этим специфическим понятием его метеорологического учения (как это предполагал У. Ньюмен), но и выводить из данного места «Метеорологики», что это выражение, взятое само по себе, может означать суровую зиму и тем более суровый климат.

Итак, поскольку приведенные параллели доказывают, что μέγας χειμών в аристотелевском письме означает «великую бурю», а не «суровую зиму», со всей решительностью, разумеется, нужно высказаться в пользу не буквального, но метафорического понимания этого выражения⁷⁰. Аристотель в таком случае намекает, скорее всего, на политические причины своего переезда, как, бесспорно, он имеет их в виду, говоря о переезде «из Афин в Стагиры». В. Розе в свое время предположил, что подразумевается персидский поход Александра, одновременно с которым Аристотель возвратился в Афины [Rose, 1863, pp. 596–597]. Однако ὁ μέγας χειμών намекает на неурядицы и вряд ли подходит к экспедиции Александра, хотя сама по себе она и могла сделать излишним дальнейшее пребывание Аристотеля в Македонии. Скорее можно было бы предположить, что Аристотель имеет в виду смутный период в Македонии, начавшийся после нового брака царя Филиппа, а именно разрыв царя с Олимпиадой и последующий конфликт Филиппа с Александром, приведший к удалению последнего от двора и даже, возможно, к угрозе войны между отцом и сыном. Близость

⁷⁰ Метафорическое обозначение неурядиц как χειμών встречается чаще, видимо, в поэтической дикции (LSJ, s. v. Π. 2, см. также Aristoph. Acharn. 876, Menand. 187), и само по себе и с различными прилагательными (ср. также χειμάζομαι). Обычно при этом имеется в виду буря, и притом морская (см., например, Aesch. Prom. Vinct. 643, 1015, 1066), что, кажется, согласуется и с прямым употреблением χειμών. Для μέγας χειμών в метафорическом значении см., помимо уже упоминавшегося Eur. Phaeth. fr. 781, 58 N., посвятившую эпиграмму пера Каллимаха, в которой «бури долгов» остроумно сопоставлены с морскими бурями (Anth. Pal. VI, 301: Τὴν ἀλίην Εὐδημος, ἐφ' ἧς ἄλα λιτὸν ἐπέσθων / χειμώνας μεγάλους ἐξέφυγεν δανέων, / θῆκε θεοῖς Σαμόθρηξι λέγων, ὅτι τήνδε κατ' εὐχῆν, / ὧ ἄλλοι, σωθεῖς ἐξ ἄλλος ὧδε θέτο).

Аристотеля к царской семье могла бы побудить его к оставлению Македонии и переезду в Афины в это время, а сравнительно большой промежуток между этим решением и возвращением в Афины был бы объясним тем, что неожиданная гибель Филиппа от руки заговорщиков⁷¹ и воцарение Александра послужили отсрочкой для отъезда, а последовавшие затем восстание греков против молодого царя и война сделали его на какое-то время вообще невозможным.

Такое понимание нельзя категорически исключить, но оно лучше согласуется с версией, по которой Аристотель вплоть до переезда в Афины оставался при македонском дворе. Если же ко времени конфликта македонских владык Аристотель уже переехал в Стагиры (это кажется более вероятным в силу приведенных соображений) и находился на известном удалении от Пеллы, то проще понять «великую бурю» не как то, что заставило его покинуть Македонию, но как то, что позволило вернуться в Афины⁷². Естественно тогда видеть в буре неудачную попытку греков сбросить македонское владычество после смерти Филиппа, окончивше-

⁷¹ Лапидарное сообщение Аристотеля об убийстве Филиппа Павсанием не только, как давно замечено, имплицитно снимает с Олимпиады и ее сына вину в гибели Филиппа, но и показывает отношение Аристотеля к обстановке, сложившейся при македонском дворе накануне смерти царя: в качестве причины покушения он называет оскорбительное поведение Аттала и других родственников новой царицы по отношению к Павсанию и попустительство этому царя (IV, 10, 1311 b 1–3).

⁷² Возвращение Аристотеля в Афины нет оснований датировать более точно, чем архонством Евайнета, то есть 335/334 г., по Аполлодору. Х. Берве [Berve, 1926, S. 71] справедливо указывает, что датировка А. Герке, конец 335 г., необоснованна, но не более надежно и его собственное утверждение, что в начале 334 г. Аристотель из Стагир (где он, согласно Берве, проживал после окончания преподавания, см. выше примеч. 36) на время вернулся к македонскому двору, чтобы представить Александру своего племянника Каллисфена перед началом похода на Восток весной 334 г. (Diog. Laert. V, 4; Suda, s. v. Καλλισθένης), и уже оттуда переехал в Афины. Сообщение Диогена Лаэртия слишком неопределенно, чтобы строить на нем хронологические расчеты (его источники не знают об оставлении Аристотелем двора, и сам он не говорит о *посещении* Аристотелем Пеллы). Каллисфен, который жил с дядей во время преподавания в Миезе и, возможно, учился у него вместе с Александром, мог быть рекомендован Аристотелем царю как подходящий историограф похода заочно, в письме, или же во время короткого визита в Пеллу еще до 334 г. (согласно другой версии, Александр сам побудил Каллисфена стать его историографом, Justin. XII, 6, 7).

еся разрушением Фив (ранняя осень 335 г.), после чего Аристотель смог переехать из Стагир в Афины и жить в городе, не опасаясь до поры противников Македонии⁷³.

Итак, можно с большой степенью уверенности утверждать, что вторая половина высказывания Аристотеля подразумевает не суровый климат Стагир, но политическую бурю, в которой естественнее всего видеть греко-македонский конфликт 336–335 гг., позволившую Аристотелю вернуться в Афины. Поскольку первая половина высказывания несомненно предполагает политические обстоятельства, сентенция Аристотеля оказывается не только формально симметричной, но и внутренне цельной: он говорит о том, что закрыло для него путь к возвращению в Афины (восхваление Гермия, жертвы персидского царя, вызвавшее недовольство промакедонской партии), и о том, что устранило преграды для возвращения (вынужденное признание суверенитета Македонии Афинами в 335 г.). Симметрия колонов, которая была бы искусственно вычурной для полусуштливого высказывания (если бы Аристотель в самом деле имел в виду климат в Стагирах), оказывается при таком понимании признаком высокого стиля, которое находил в этих словах Деметрий (*De elocut.* 29)⁷⁴. Понятым оказывается и пропуск промежуточных пунктов в путешествиях в первой половине фразы — Аристотель не сообщает о подробностях своей жизни, которые, наверное, известны адресату письма, но предлагает разделить удивление симметрией обстоятельств, связанных с его отлучением от Афин и возвращением в Афины. Высказывание Аристотеля, таким образом, имеет некоторое значение для его биографии (оно служит основным, хотя и нередко игнорируемым, свидетельством того, что он жил в Стагирах в интервале между Миезой и Афинами); кроме того, оно показывает, как сам философ оценивал свои отношения с великим городом: они зависели от по-

⁷³ Речь не идет о прямой защите Аристотеля войсками Антипатра, как это понимает И. Дюринг [Düring, 1968, Sp. 180]: македонский гарнизон не размещался в это время в самих Афинах [Хабихт, 1999, с. 20].

⁷⁴ Синтаксическая симметрия высказывания будет еще заметнее, если, как любезно подсказал нам Гордон Хови, его настоящая форма та, в которой оно цитируется в *Dem. De elocut.* 154: ἐκ μὲν Ἀθηῶν ἐγὼ εἰς Στάγειρα ἦλθον διὰ τὸν βασιλέα τὸν μέγαν, ἐκ δὲ Σταγείρων εἰς Ἀθήνας διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν.

литических обстоятельств, но не от прямого участия Аристотеля в политике. Как бы ни относиться к серьезности подобных изречений, имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства вполне согласуются с этой оценкой⁷⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бикерман Э. Хронология древнего мира / пер. И. М. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1975. 336 с.
2. Хабихт Х. Афины: История города в эллинистическую эпоху / пер. Ю. Г. Виноградова. М.: Ладомир, 1999. 416 с.
3. Шахермайр Ф. Александр Македонский / пер. с нем. М. Н. Ботвинника и Б. Функа. М.: Наука, 1984 [нем. ориг. 1973]. 384 с.
4. *Aristoteles*. Die historischen Fragmente / Übers., erläutert von M. Hase. Berlin, Akademie Verlag, 2006. 307 p.
5. *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta* / ed. Val. Rose. Lipsiae: Teubneri, 1886. 462 p. (= Rose)
6. *Aristotelis epistularum fragmenta cum testamento* / ed. M. Plezia. (Auctorum Graecorum et Latinorum opuscula selecta, fasc. 3.) Varsoviae: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 163 p.
7. Aristotle. *Politics*, transl. with notes by C. Lord. Chicago: University of Chicago Press, 1984. XLVII, 265 p. (= Lord)
8. *Aristoteles*. Privatorum scriptorum fragmenta / ed. M. Plezia. Lipsiae: Teubner, 1977. XXV, 87 S. (= Plezia)
9. Badian E. Greeks and Macedonians // *Macedonia and Greece in Late Classical and Hellenistic Times* / ed. by B. Barr-Sharrar B. and E. N. Borza. Washington DC: National Gallery of Art, 1982. 268 p.
10. Beloch K. J. *Griechische Geschichte*. Bd. II. Strassburg, 1897. XIII, 713 S.
11. Berve H. *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. 2. München: Beck, 1926. 446 S.
12. Blakesley J. W. *The Life of Aristotle*. Cambridge: J. and J. J. Deighton, 1839. 181 p.

⁷⁵ Благодарим коллег по кафедре классической филологии СПбГУ за доброжелательную, но строгую критику при обсуждении доклада, в котором был изложен первый вариант этой работы, в сентябре 2012 г.; мы признательны Н. А. Алмазовой, Н. Н. Казанскому и Д. В. Панченко за предложения, критические замечания и поправки, сделанные в ходе чтения самой статьи. Посвящение статьи Хайнцу Хайнену, который, приняв его, вернул нам текст со своими замечаниями, становится теперь, увы, скромной данью памяти замечательного ученого, знатока и друга российского антиковедения.

13. *Bollansée J.* Aristotle and the Death of Hermias of Atarneus: Two Extracts from Hermippos' Monograph on Aristotle // *Simblos*. 2001. Vol. 3. Pp. 67–97.
14. *Briant P.* From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire / transl. from French. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2002. XX, 1196 p.
15. *Bosworth A. B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. XIII, 330 p.
16. *Buckler J.* Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden; Boston: Brill, 2003. XI, 544 p.
17. *Cawkwell G. L.* Demosthenes' Policy after the Peace of Philocrates. I // *Classical Quarterly. New Series*. 1963. Vol. 13. Pp. 120–138.
18. *Cawkwell G. L.* The Defence of Olynthus // *Classical Quarterly. New Series*. 1962. Vol. 12. Pp. 122–140.
19. *Cawkwell G. L.* The Greek Wars: The Failure of Persia. New York; Oxford: Oxford University Press, 2005. VIII, 316 p.
20. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. IV–2. Paris: Klincksieck, 1980. 200 p.
21. *Christesen P.* Olympic Victor Lists and Ancient Greek History. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. XVII, 580 p.
22. *Companion to Aristotle*, ed. by G. Anagnostopoulos. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2009. XVIII, 648 p.
23. *Demosthenes.* Rede für Ktesiphon über den Kranz / Erläutert und mit einer Einleitung versehen von H. Wankel. Heidelberg: Winter, 1976. 1376 p. (= Wankel)
24. *Didymos:* On Demosthenes / transl. with Introduction, Text, and Commentary by Ph. Harding. Oxford: Clarendon Press, 2006. X, 286 p. (= Harding)
25. *Diodori.* Bibliotheca Historica. Vol. IV / recogn. C. T. H. Fischer. Lipsiae: Teubneri, 1906. 493 p.
26. *Demetrios.* Du Style / Texte établi et trad. par P. Chiron. Paris: Les Belles Lettres, 1993. CXXXVII, 178 p.
27. *Depuydt L.* Saite and Persian Egypt, 664 BC — 332 BC // *Ancient Egyptian Chronology* / ed. by E. Hornung et al. Leiden, 2006. Pp. 458–472.
28. *Dorandi T.* Gli arconti nei papiri Ercolanesi // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1990. Bd. 84. Pp. 121–138.
29. *Dorandi T.* Note sulla tradizione e sul testo del poema di Aristotele in onore di Ermia di Atarneo // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2007. Bd. 161. Pp. 21–26.
30. *Dührsen N.* Chr. Wer war der Verfasser des rhetorischen Lehrbuchs "Über den Stil" (Περὶ ἐρμηνείας)? // *Rheinisches Museum. Neue Folge*. 2005. Bd. 148. Pp. 242–271.

31. *Düring I.* Aristotle in the Ancient Biographical Tradition. Göteborg: Almqvist & Wiksell, 1957. 490 p. (= Düring)
32. *Düring I.* Aristoteles. Heidelberg: Winter, 1966. XV, 670 p.
33. *Düring I.* Aristoteles // RE. Suppl.-Bd. XI. 1968. S. 159–336.
34. *Ellis J. R.* Macedonian Hegemony Created // Cambridge Ancient History. Vol. VI. Cambridge, 1994. Pp. 760–790.
35. *Flensted-Jensen P.* Thrace from Axios to Strymon // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. XV, 1396 p.
36. *Ford A.* Aristotle as Poet. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. XX, 243 p.
37. *Frisk H.* Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Winter, 1960. XXX, VIII, 938 S.
38. *Gercke A.* Aristoteles // RE. 1905. Hbd. 3. Sp. 1014–1015.
39. *Gigon O.* Interpretationen zu den antiken Aristoteles-Viten // Museum Helveticum. 1958. Bd. 15. S. 147–163.
40. *Gottschalk H. B.* Notes on the Wills of the Peripatetic Scholarchs // Hermes. 1972. Vol. 100. Pp. 314–342.
41. *Hajdu I.* Kommentar zur 4. Philippischen Rede des Demosthenes. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2002. VI, 475 p.
42. *Hamilton J.* Alexander the Great. London: Hutchinson, 1973. 196 p.
43. *Hansen M. H., Spencer N., Williams H.* Lesbos // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. Pp. 1018–1033.
44. *Hatzopoulos M. B.* Macedonian Institutions under the Kings. Vol. 1. Paris: De Boccard, 1996. 554 p.
45. *Jacoby F.* Apollodors Chronik. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1902. 416 p. (Philologische Untersuchungen. Ht. 16).
46. *Jaeger W.* Aristotle / transl. by R. Robinson, 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1948. 475 p.
47. *Kahrstedt U.* Forschungen zur Geschichte des ausgehenden fünften und des vierten Jahrhunderts. Berlin: Weidmann, 1910. 282 S.
48. *Käppel L.* Paian: Studien zur Geschichte einer Gattung. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1992. XXVI, 428 S.
49. *Körte A.* Zu Didymos' Demosthenes-Commentar // Rheinisches Museum. 1905. Bd. 60. S. 388–416.
50. *Laqueur R.* Theokritos aus Chios // RE. 1934. Bd. 5A. Sp. 2026–2027.
51. *Lane Fox R.* Alexander the Great. London: Allen Lane, 1973. 568 p.
52. *Lewis D. M.* An Aristotle Publication-Date // Classical Review. New Series. 1958. Vol. 8. P. 108.

53. *Lloyd A.* Egypt 404–332 BC // Cambridge Ancient History. Vol. VI. Cambridge, 1994. Pp. 337–360.
54. *MacDowell D. M.* Demosthenes the Orator. New York; Oxford: Oxford University Press, 2009. X, 457 p.
55. *MacDowell D. M.* The Law in Classical Athens. London: Thames and Hudson, 1978. 280 p.
56. *Mansion A.* [Rev.] *Düring I.* Aristotle in the Ancient Biographical Tradition // Revue Philosophique de Louvain. 1958. Vol. 56. Pp. 624–629.
57. *Merlan Ph.* Zur Biographie des Speusippos // Philologus. 1959. Bd. 103. S. 198–214.
58. *Merlan Ph.* The Successor of Speusippus // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1946. Vol. 77. Pp. 103–111.
59. *Milns R. D.* Hermias of Atarneus and the Fourth Philippic Speech // Filologia e forme letterarie: studi offerti a Francesco Della Corte, ed. C. Questa. Vol. I. Urbino: Università degli studi di Urbino, 1987. S. 287–302.
60. *Mitchell S.* Troas // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. Pp. 1000–1018.
61. *Moraux P.* Les listes anciennes des ouvrages d'Aristote. Louvain: Éditions universitaires de Louvain, 1951. X, 391 p.
62. *Pueche B.* Aristote de Stagire. Dictionnaire des philosophes antiques. T. I. Paris, 1994. 1021 p.
63. *Mulvany C. M.* Notes on the Legend of Aristotle // Classical Quarterly. 1926. Vol. 20. Pp. 155–167.
64. *Natali C.* Bios theoretikos: la vita di Aristotele e l'organizzazione della sua scuola. Bologna: Il Mulino, 1991. 213 p.
65. *Newman W. L.* The Politics of Aristotle, With an Introduction, Two Prefatory Essays and Notes Critical and Explanatory. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1887. LXVII, 419 p.
66. *O'Sullivan L.* The Regime of Demetrius of Phalerum in Athens, 317–307 BCE: a Philosopher in Politics. Leiden: Brill, 2009. 344 p.
67. *Powell J. E.* Lexicon to Herodotus. Cambridge: Cambridge University Press, 1938. X, 391 p.
68. *Pagani L.* *Artemon.* Lessico dei grammatici greci antichi (2010). Available at: <http://www.aristarchus.unige.it/lgga/schede.php>.
69. *Planeaux C.* Socrates, Alcibiades, and Plato's TA ΠΟΤΕΙΔΕΑΤΙΚΑ: Does the Charmides Have an Historical Setting? // Mnemosyne. 1999. Vol. 52. Pp. 72–77.
70. *Plato.* Symposium / ed. by K. Dover. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. X, 185 p. (= Dover)

71. *Regenbogen O.* Theophrastus // RE Suppl. Bd. 7. 1940. Pp. 1536–1552.
72. *Renahan R.* Aristotle as Lyric Poet: The Hermias Poem // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1982. Vol. 23. Pp. 251–274.
73. *Renahan R.* The Private Aristotle: Two Clues // Hermes. 1995. Vol. 123. Pp. 281–292.
74. *Rose V.* Aristoteles pseudepigraphus. Lipsiae: Teubneri, 1863. 728 p.
75. *Ross W. D.* Aristotle. 5th ed. rev. London: Methuen & Co, 1949 (1923). VII, 300 p.
76. *Runia D.* Theocritus of Chios' Epigram against Aristotle // Classical Quarterly, New Series. 1986. Vol. 36. Pp. 531–534.
77. *Rusten J.* Dionysius Scytobrachion. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1982. 185 p.
78. Scholia Graeca in Homeri Iliadem: Scholia vetera / rec. H. Erbse. Vol. I. Berlin: W. de Gruyter, 1969. 474 p.
79. *Sordi M.* La cronologia delle vittorie persiane e la caduta di Ermia di Atarneo in Diodoro Siculo // Kokalos. 1959. Vol. 5. Pp. 107–118.
80. *Stahr A.* Aristotelia. Vol. I. Halle: Buchhandlung des Waisenhauses, 1830. XVIII, 210 p.
81. *Susemihl F.* Geschichte der Alexandrinischen Literatur. Bd. I. Leipzig: Teubner, 1892. XVI, 907 S.
82. *Unger G. F.* Die Abfassungszeit des sogenannten Skylax // Philologus. 1874. Bd. 33. Pp. 29–45.
83. *Verlinsky A.* The flood in Aristotle's Meteorologica (I. 14) // Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption / Hrsg. von J. Althoff et al. Bd. 16. Trier, 2006. S. 51–68.
84. Vita Aristotelis Marciana / Hrsg. und komment. von O. Gigon. Berlin: W. de Gruyter, 1962. 79 p. (= Gigon)
85. *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Aristoteles und Athen. Bd. 2. Berlin, 1892. VI, 381 S.
86. *Wentzel C.* Artemon // RE. 1896. Bd. II. Col. 1446–1447.
87. *Weil R.* Aristote et l'histoire. Paris: Klincksieck, 1960. 466 p.
88. *West A. B.* The History of the Chalcidic League. Madison, 1918. 176 p.
89. *Worthington I.* How 'Great' was Alexander? (1999) // Alexander the Great. A Reader / ed. I. Worthington. London: Routledge, 2003. 368 p.
90. *Zahrnt M.* Olynth und die Chalkidier. München, Beck, 1971 (Vestigia H. 14). X, 280 p.
91. *Zeller Ed.* Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. T I. II. Abt. II. Aristoteles und die alten Peripatetiker. 3. Aufl. Leipzig, 1879. X, 948 S.

REFERENCES

1. Bikerman E. *Khronologiia drevnego mira*, per. I.M. Steblin-Kamenskogo [The Chronology of the Ancient World, transl. by I.M. Steblin-Kamensky]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 336 s.
2. Khabikht Kh. *Afiny: Istoriia goroda v ellinisticheskuiu epokhu*, per. Iu.G. Vinogradova [Athens: History of the City in the Hellenistic Period, transl. by Yu.G. Vinogradov]. Moscow, Ladomir Publ., 1999. 416 s.
3. Shakhmerair F. *Aleksandr Makedonskii*, per. s nem. M.N. Botvinnika i B. Funka [Alexander of Macedon, transl. from German by M.N. Botvinnik and B. Funk]. Moscow, Nauka Publ., 1984 [nem. orig. 1973]. 384 s.
4. Aristoteles. *Die historischen Fragmente*. Übers., erläutert von M. Hose. Berlin, Akademie Verlag, 2006. 307 p.
5. *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*, ed. Val. Rose. Lipsiae, Teubneri, 1886. 462 p. (= Rose)
6. *Aristotelis epistularum fragmenta cum testamento*, ed. M. Plezia. (Auctorum Graecorum et Latinorum opuscula selecta, fasc. 3.) Varsoviae, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 163 p.
7. Aristotle. *Politics*, transl. with notes by C. Lord. Chicago, University of Chicago Press, 1984. XLVII, 265 p. (= Lord)
8. Aristoteles. *Privatorum scriptorum fragmenta*, ed. M. Plezia. Lipsiae, Teubner, 1977. XXV, 87 S. (= Plezia)
9. Badian E. *Greeks and Macedonians*. Macedonia and Greece in Late Classical and Hellenistic Times, ed. by B. Barr-Sharrar B. and E.N. Borza. Washington DC, National Gallery of Art, 1982. 268 p.
10. Beloch K.J. *Griechische Geschichte*. Bd. II. Strassburg, 1897. XIII, 713 S.
11. Berve H. *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. 2. München, Beck, 1926. 446 S.
12. Blakesley J.W. *The Life of Aristotle*. Cambridge, J. and J.J. Deighton, 1839. 181 p.
13. Bollansée J. Aristotle and the Death of Hermias of Atarneus: Two Extracts from Hermippos' Monograph on Aristotle. *Simblos*. 2001. Vol. 3. Pp. 67–97.
14. Briant P. *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*, transl. from French. Winona Lake, IN, Eisenbrauns, 2002. XX, 1196 p.
15. Bosworth A.B. *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1988. XIII, 330 p.
16. Buckler J. *Aegean Greece in the Fourth Century BC*. Leiden; Boston, Brill, 2003. XI, 544 p.
17. Cawkwell G.L. Demosthenes' Policy after the Peace of Philocrates. I. *Classical Quarterly. New Series*. 1963. Vol. 13. Pp. 120–138.

18. Cawkwell G.L. The Defence of Olynthus. *Classical Quarterly. New Series.* 1962. Vol. 12. Pp. 122–140.
19. Cawkwell G. L. *The Greek Wars: The Failure of Persia.* New York; Oxford, Oxford University Press, 2005. VIII, 316 p.
20. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque.* T. IV–2. Paris, Klincksieck, 1980. 200 p.
21. Christesen P. *Olympic Victor Lists and Ancient Greek History.* Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2007. XVII, 580 p.
22. *Companion to Aristotle*, ed. by G. Anagnostopoulos. Malden, MA, Wiley-Blackwell, 2009. XVIII, 648 p.
23. Demosthenes. *Rede für Ktesiphon über den Kranz.* Erläutert und mit einer Einleitung versehen von H. Wankel. Heidelberg, Winter, 1976. 1376 p. (= Wankel)
24. *Didymos: On Demosthenes*, transl. with Introduction, Text, and Commentary by Ph. Harding. Oxford, Clarendon Press, 2006. X, 286 p. (= Harding)
25. Diodori. *Bibliotheca Historica.* Vol. IV, recogn. C.T.H. Fischer. Lipsiae, Teubneri 1906. 493 p.
26. Demetrios. *Du Style.* Texte établi et trad. par P. Chiron. Paris, Les Belles Lettres, 1993. CXXXVII, 178 p.
27. Depuydt L. *Saite and Persian Egypt, 664 BC – 332 BC.* Ancient Egyptian Chronology, ed. by E. Hornung et al. Leiden, 2006. Pp. 458–472.
28. Dorandi T. Gli arconti nei papiri Ercolanesi. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1990. Bd. 84. Pp. 121–138.
29. Dorandi T. Note sulla tradizione e sul testo del poema di Aristotele in onore di Ermia di Atarneo. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 2007. Bd. 161. Pp. 21–26.
30. Dührsen N. Chr. Wer war der Verfasser des rhetorischen Lehrbuchs "Über den Stil" (Περὶ ἐρμηνείας)? *Rheinisches Museum. Neue Folge.* 2005. Bd. 148. Pp. 242–271.
31. Düring I. *Aristotle in the Ancient Biographical Tradition.* Göteborg, Almqvist & Wiksell, 1957. 490 p. (= Düring)
32. Düring I. *Aristoteles.* Heidelberg, Winter, 1966. XV, 670 p.
33. Düring I. Aristoteles. *RE. Suppl.-Bd. XI.* 1968. S. 159–336.
34. Ellis J.R. Macedonian Hegemony Created. *Cambridge Ancient History.* Vol. VI. Cambridge, 1994. Pp. 760–790.
35. Flensted-Jensen P. *Thrace from Axios to Strymon.* An Inventory of Archaic and Classical Poleis, ed. by M.H. Hansen, T.H. Nielsen. New York; Oxford, Oxford University Press, 2004. XV, 1396 p.
36. Ford A. *Aristotle as Poet.* Oxford; New York, Oxford University Press, 2011. XX, 243 p.

37. Frisk H. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, Winter, 1960. XXX, VIII, 938 S.
38. Gercke A. Aristoteles. *RE*. 1905. Hbd. 3. Sp. 1014–1015
39. Gigon O. Interpretationen zu den antiken Aristoteles-Viten. *Museum Helveticum*. 1958. Bd. 15. S. 147–163.
40. Gottschalk H.B. Notes on the Wills of the Peripatetic Scholarchs. *Hermes*. 1972. Vol. 100. Pp. 314–342.
41. Hajdu I. *Kommentar zur 4. Philippischen Rede des Demosthenes*. Berlin; New York, W. de Gruyter, 2002. VI, 475 p.
42. Hamilton J. *Alexander the Great*. London, Hutchinson, 1973. 196 p.
43. Hansen M.H., Spencer N., Williams H. *Lesbos*. An Inventory of Archaic and Classical Poleis, ed. by M.H. Hansen, T.H. Nielsen. Oxford; New York, Oxford University Press, 2004. Pp. 1018–1033.
44. Hatzopoulos M. B. *Macedonian Institutions under the Kings*. Vol. 1. Paris, De Boccard, 1996. 554 p.
45. Jacoby F. *Apollodors Chronik*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1902. 416 p. (Philologische Untersuchungen. Ht. 16).
46. Jaeger W. *Aristotle*, transl. by R. Robinson, 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 1948. 475 p.
47. Kahrstedt U. *Forschungen zur Geschichte des ausgehenden fünften und des vierten Jahrhunderts*. Berlin, Weidmann, 1910. 282 S.
48. Käppel L. *Paian: Studien zur Geschichte einer Gattung*. Berlin; New York, W. de Gruyter, 1992. XXVI, 428 S.
49. Körte A. Zu Didymos' Demosthenes-Commentar. *Rheinisches Museum*. 1905. Bd. 60. S. 388–416.
50. Laqueur R. Theokritos aus Chios. *RE*. 1934. Bd. 5A. Sp. 2026 f.
51. Lane Fox R. *Alexander the Great*. London, Allen Lane, 1973. 568 p.
52. Lewis D.M. An Aristotle Publication-Date. *Classical Review. New Series*. 1958. Vol. 8. P. 108.
53. Lloyd A. *Egypt 404–332 BC*. Cambridge Ancient History. Vol. VI. Cambridge, 1994. Pp. 337–360.
54. MacDowell D.M. *Demosthenes the Orator*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2009. X, 457 p.
55. MacDowell D.M. *The Law in Classical Athens*. London, Thames and Hudson, 1978. 280 p.
56. Mansion A. [Rev.] Düring I. Aristotle in the Ancient Biographical Tradition. *Revue Philosophique de Louvain*. 1958. Vol. 56. Pp. 624–629.
57. Merlan Ph. Zur Biographie des Speusippos. *Philologus*. 1959. Bd. 103. S. 198–214.
58. Merlan Ph. The Successor of Speusippus. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1946. Vol. 77. Pp. 103–111.

59. Milns R. D. *Hermias of Atarneus and the Fourth Philippic Speech*. *Filologia e forme letterarie: studi offerti a Francesco Della Corte*, ed. C. Questa. Vol. I. Urbino, Università degli studi di Urbino, 1987. Pp. 287–302.
60. Mitchell S. *Troas*. An Inventory of Archaic and Classical Poleis, ed. by M.H. Hansen, T.H. Nielsen. Oxford; New York, Oxford University Press, 2004. Pp. 1000–1018.
61. Moraux P. *Les listes anciennes des ouvrages d'Aristote*. Louvain, Éditions universitaires de Louvain, 1951. X, 391 p.
62. Pueche B. *Aristote de Stagire*. Dictionnaire des philosophes antiques. T. I. Paris, 1994. 1021 p.
63. Mulvany C.M. Notes on the Legend of Aristotle. *Classical Quarterly*. 1926. Vol. 20. Pp. 155–167.
64. Natali C. *Bios theoretikos: la vita di Aristotele e l'organizzazione della sua scuola*. Bologna, Il Mulino, 1991. 213 p.
65. Newman W.L. *The Politics of Aristotle, With an Introduction, Two Prefatory Essays and Notes Critical and Explanatory*, vol. I. Oxford, Clarendon Press, 1887. LXVII, 419 p.
66. O'Sullivan L. *The Regime of Demetrius of Phalerum in Athens, 317–307 BCE: a Philosopher in Politics*. Leiden, Brill, 2009. 344 p.
67. Powell J.E. *Lexicon to Herodotus*. Cambridge, Cambridge University Press, 1938. X, 391 p.
68. Pagani L. Artemon. *Lessico dei grammatici greci antichi* (2010). Available at: <http://www.aristarchus.unige.it/lgga/schede.php>.
69. Planeaux C. Socrates, Alcibiades, and Plato's TA ΠΟΤΕΙΔΕΑΤΙΚΑ: Does the Charmides Have an Historical Setting? *Mnemosyne*. 1999. Vol. 52. Pp. 72–77.
70. Plato. *Symposium*, ed. by K. Dover. Cambridge, Cambridge University Press, 1980. X, 185 p. (= Dover)
71. Regenbogen O. Theophrastus. *RE Suppl.* Bd. 7. 1940. Pp. 1536–1552.
72. Renehan R. Aristotle as Lyric Poet: The Hermias Poem. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1982. Vol. 23. Pp. 251–274.
73. Renehan R. The Private Aristotle: Two Clues. *Hermes*. 1995. Vol. 123. Pp. 281–292.
74. Rose V. *Aristoteles pseudepigraphus*. Lipsiae, Teubneri, 1863. 728 p.
75. Ross W.D. *Aristotle*. 5th ed. rev. London, Methuen & Co, 1949 (1923). VII, 300 p.
76. Runia D. Theocritus of Chios' Epigram against Aristotle. *Classical Quarterly, New Series*. 1986. Vol. 36. Pp. 531–534.
77. Rusten J. *Dionysius Scytobrachion*. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1982. 185 p.

78. *Scholia Graeca in Homeri Iliadem: Scholia vetera*, rec. H. Erbse. Vol. I. Berlin, W. de Gruyter, 1969. 474 p.
79. Sordi M. La cronologia delle vittorie persiane e la caduta di Ermia di Atarneo in Diodoro Siculo. *Kokalos*. 1959. Vol. 5. Pp. 107–118.
80. Stahr A. *Aristotelia*. Vol. I. Halle, Buchhandlung des Waisenhauses, 1830. XVIII, 210 p.
81. Susemihl F. *Geschichte der Alexandrinischen Literatur*. Bd. I. Leipzig, Teubner, 1892. XVI, 907 S.
82. Unger G. F. *Die Abfassungszeit des sogenannten Skylax*. *Philologus*. 1874. Bd. 33. Pp. 29–45.
83. Verlinsky A. The flood in Aristotle's *Meteorologica* (I. 14). *Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption*, Hrsg. von J. Althoff et al. Bd. 16. Trier, 2006. S. 51–68.
84. *Vita Aristotelis Marciana*. Hrsg. und komment. von O. Gigon. Berlin, W. de Gruyter, 1962. 79 p. (= Gigon)
85. Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Aristoteles und Athen*. Bd. 2. Berlin, 1892. VI, 381 S.
86. Wentzel C. Artemon. *RE*. 1896. Bd. II. Col. 1446–1447.
87. Weil R. *Aristote et l'histoire*. Paris, Klincksieck, 1960. 466 p.
88. West A.B. *The History of the Chalcidic League*. Madison, 1918. 176 p.
89. Worthington I. *How 'Great' was Alexander?* (1999). *Alexander the Great. A Reader*, ed. I. Worthington. London, Routledge, 2003. 368 p.
90. Zahrnt M. *Olynth und die Chalkidier*. München, Beck, 1971 (*Vestigia* H. 14). X, 280 p.
91. Zeller Ed. *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*. T I. II. Abt. II. Aristoteles und die alten Peripatetiker. 3. Aufl. Leipzig, 1879. X, 948 S.

Верлинский Александр Леонардович

Доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Aleksandr Verlinsky

PhD in Philology (doktor nauk), Full Professor,

Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: verlinsky@mail.ru